

О Кресте Христовом праведный Иоанн Кронштадтский

О КРЕСТЕ ХРИСТОВОМ

Что известнее для христиан креста Христова, который, встречая наше вступление в мир сопровождает нас потом всюду во все время нашего странствования на земле – до нашего смиренного ложа в земной утробе, над которым в последний раз водружается он во свидетельство веры и надежды усопшего? Что известнее этой священной, страшной для демонов и спасительной для христиан четвероконечной формы Животворящего Креста, которую мы так часто и на себе изображаем и еще чаще видим в Святой Церкви на верху храмов, в различных священных действиях, на святых иконах, на священных сосудах и одеждах? Кто не знает и не чтит св. креста о четырех концах от старца и до отрока? И эту-то общеизвестную форму креста, эту древнейшую святыню веры, печать всех таинств, как что-то новое, неизвестное нашим предкам, появившееся вчера, наши мнимые старообрядцы заподозрили, уничижили, попрали среди белого дня. Изрыгая хулы на то, что с самого начала христианства и доселе служило и служит источником освящения и спасения для всех, почитая только крест восьмиконечный, или трисоставный. т. е. прямое древко и на нем три поперечника, расположенные известным образом, они называют печатью антихристовую и мерзостью запустения крест так называемый четвероконечный, представляющий собою истинную и употребительнейшую форму креста (ибо только с течением времени вошло в обычай употреблять восьмиконечный крест), как будто по уничтожении двух поперечников – титла с подножием – крест уже перестает быть крестом и фигура о четырех концах никак не может быть названа им.

Источинче премудрости и разума! Просвети мои ум, чтобы я возмог счастливо начать, продолжать и совершить это сочинение во славу Креста Твоего!

«И нося крест Свой изыде на место, глаголемое лобное». Ин. 19, 17

Настоящее рассуждение мы посвятим исследованию о кресте Христовом, и именно представим археологическое исследование об его форме, с целью показать раскольникам из самой древности и всеобщности употребления креста четвероконечного, что эта форма его есть форма истинная и что все другие виды креста суть только видоизменения этого истинного вида креста, и в существе дела составляют один и тот же крест Христов. Этим само собою будут опровергнуты как нелепые и не имеющие никакого основания хулы раскольников на четвероконечный

крест. Что же касается оснований мнимых старообрядцев, приводимых в подтверждение их верований в восьмиконечный крест, то мы предположили кратко разобрать и опровергнуть их в самом конце рассуждения.

О форме святого креста

Состав и разделение сочинения

С древних времен в церкви и в частном семейном быту верующих весьма резко различаются и почти одинаково обширное употребление имеют два рода одного и того же креста: один – вещественный, сделанный из вещества или материи, или изображенный на какой-нибудь вещи так, что он остается на ней постоянно или только на некоторое время и может быть осязаем руками и постоянно видим глазами; другой – невещественный, изображаемый рукою или чем-нибудь другим в воздухе или на человеке и на различных освященных вещах, – это крестное знамение. Первый род креста как вещественный по тому самому не всегда имел и имеет одинаковую форму и часто разнообразится по разнообразию мастеров, его делающих, удерживая, впрочем, свои коренные составы; второй, как знамение, которое с известного времени однажды навсегда принято изображать в известном виде по известной форме, по тому самому всегда почти постоянно и одинаково и бывает, только разве больше или меньше. На эти-то два рода креста, рассматриваемые по их форме, мы и обратим все свое внимание в настоящем сочинении.

Оно делится, таким образом, на две части. В первой части, в которой мы станем следить за формою креста во все времена, будет сказано о кресте вещественном, и именно, прежде всего, о Кресте первоначальном, собственно Господнем: о его виде и составах; затем представлен будет по возможности в хронологическом порядке, преимущественно из русской старины, ряд многочисленных вещественных памятников и изображений св. креста, сохранившихся от глубокой древности до позднейших времен. Здесь же, между прочим, будет помещен рассказ и об обретении Креста в IV веке, так как история этого обретения весьма хорошо может служить указанием на истинную форму креста и в других местах. Во второй части будет сказано о том, как мнимые старообрядцы, восстающие на четвероконечный крест, сами как бы бессознательно употребляют его в крестном знамении; далее – об апостольском происхождении крестного знамения, об употреблении его при совершении всех таинств и о частом и благоплодном употреблении его христианами первых веков.

Но прежде чем станем говорить о самой вещи, обратимся к ее сени – и приведем несколько свидетельств свв. отцов о прообраованиях креста в Ветхом Завете.

Примечание. Чтобы ветхозаветные преобразования четвероконечного креста, которые мы хотим привести, имели всю силу доказательства,

приведем наперед несколько свидетельств свв. отцов о том, что образы чего-нибудь должны иметь и имеют сходство с тем, что они образуют, и что потому-то они и называются образами. Раскольники говорят, что крест четвероконечный есть образ и сень креста, а не самый истинный и Животворящий Крест Господень, и этим выражают мысль, что образ или сень не имеет ничего общего с самою вещью или первообразом (Спис. Солов. челоб.). Послушаем поэтому, что говорят об этом святые отцы. Климент Александрийский в своих «Сокровищах» говорит¹: «Образы всегда имеют сходство с первообразным». Он же в книге, где доказывает, что во всех писаниях Моисея открывается таинство Христа, об Аврааме и Мелхиседеке (гл. 6) говорит вот что: «Образы необходимо должны представлять первообразное».

Святой Григорий Назианзин (во втором слове своем о Сыне) свидетельствует: «Таково свойство образа, что он выражает первообразное, которого есть образ».

Св. Златоуст в 3-м слове на Послание к Колоссянам говорит об образе следующее: «Образ, так как он есть образ, должен быть совершенно сходен с подлинником, который он в чертах своих изображает». (Еще см. толк. Еванг. в нед. 3 св. поста.)

Этих свидетельств о сходстве образа с образуемым достаточно для того, чтобы ветхозаветные преобразования служили для нас доказательством подлинности или верности известной вещи или события в Новом Завете. Но так как образы не со всех сторон предызображают известный предмет, а только или с одной – внутренней, или вместе с внутренней и внешней, то надобно заметить, что и сходство образа с первообразным бывает именно в тех сторонах, которые прообразуются. Так, св. крест прообразован был в Ветхом Завете или по его силе, свойствам и действиям, или по его внешней форме и силе. Например, столп облачный служил прообразом креста², но только по его силе и действиям. Таких прообразований мы, разумеется, не станем приводить, а будем иметь дело только с преобразованиями креста, указывавшими на его форму и действия.

О прообразовании святого креста в Ветхом Завете

Прежде чем насаждено на земле Иисусом Христом крестное Живоносное Древо, в законе сени и писаний от времени и до времени Господь являл людям его тень, или образ, сопровождаемый знаменами и чудесами. Эта тень, или этот образ, имели вид или креста четвероконечного, или простого жезла, куска дерева и пр., прообразовавших крест не по форме, но по его внутренним свойствам. Но она никогда не представляла из себя формы креста восьмиконечного. Между тем, как мы выше сказали, тень или образ чего-нибудь, и по свидетельству свв. отцов, и по здравому разуму, имеют совершенное сходство в известном отношении с тем, тенью или образом чего они служат. Иначе они и не были бы тенью известного предмета и не имели бы его свойств и силы; так, например, тень апостола Павла, исцелявшую больных, нельзя было бы назвать тенью апостола и она не имела бы целебных свойств, если бы не была точным отображением святого благодатного тела апостола. Значит, образы четвероконечного креста в Ветхом Завете были тенью или образами самого Животворящего Креста.

Мы приведем здесь образы четвероконечного креста по указанию на них свв. отцов и учителей церковных.

В Книге Бытия образ победоносного креста свв. отцы находили, прежде всего, в трехсотном числе домочадцев Авраама (318), с которыми он вышел против людей, пленивших Лота, и победил их, так как это число пишется через древнееврейскую и греческую литеру т, имеющую сходство с формой креста четвероконечного³. Климент Александрийский говорит: «Когда услышал Авраам, что Лот отведен в плен, то, собравши триста восемнадцать человек домочадцев своих и выступивши против неприятелей, победил их в далеко превосходящем числе». Поэтому говорим, что образ знамения Господня (в этом числе), рассматриваемого относительно формы, есть буква, означающая триста, а йота и ита означают спасительное имя (Иисуса)⁴.

В Книге Бытия образ креста мы видим также в благословении патриархом Иаковом детей Иосифа – Ефрема и Манассии. Св. Иоанн Дамаскин говорит, что Иаков, положивши свои руки одну чрез другую и сделав из них как бы рогатки при благословении детей Иосифа, весьма ясно описал образ креста⁵.

В Книге Исход прообразовал четвероконечный крест: а) агнец, которого, по истечении, нужно было вкушать по повелению Божию. Св.

Иустин мученик говорит: «Когда пекутся агнцы, тогда они представляют вид креста» (speciem crucis praehерunt), так как один – прямой – рожон приходится снизу до головы, а другой проходит поперек хребта, к которому привязываются ноги агнца»⁶.

б) Крестообразное пресечение моря жезлом Моисея также прообразовало четвероконечный крест: «Жезл Моисея, – говорит св. Иоанн Дамаскин, – пресек море в подобие креста, и Израиля спас, и Фараона погрузил»⁷. «Крест начертав Моисей...» – поется также в церковной песне⁸.

Далее – в) четвероконечный крест был прообразован руками молящегося на горе Моисея, сложенными крестообразно. «Руки, распростерты наподобие креста, – говорит св. Иоанн Дамаскин, – отгнали Амалика»⁹.

г) Расположение полков израильских в пустыне на четыре части служило также прообразованием креста четвероконечного следующим образом: в середине ополчения стояла сень свидения с кивотом Завета, и тут же находилось племя Левино, служившее скинии. Наперед, с востока, расположены были три полка: Иудин, Иссахаров и Завулонов; сзади, от запада, – тоже три полка: Ефремов, Манассиин и Вениаминов. На правой стороне, от юга, – три полка: Рувимов, Симеонов и Гадов. На левой стороне, от севера, – три: Данов, Ассуров и Неффалимов. Таким образом, ополчение израильтян в пустыне было крестообразное¹⁰. Об этом прообразовании упоминается и в каноне Воздвиженском, в песне четвертой, стихире третьей: «Священно ополчаются четверочастнии людие предходяще образом свидетельства скинии, крестообразными чинми прославляемии».

В Книге Чисел (Чис. 20, 11) четвероконечный крест прообразовало – а) совершенное Моисеем ударение жезлом в камень, источивший вследствие этого воду жаждавшему в пустыне народу Израильскому. Блаж. Августин говорит: «[Камень] Моисей ударил дважды, потому что два дерева в кресте»¹¹. Севериан Габальский в четвертом слове о кресте говорит: «Ударил Моисей в камень дважды. Для чего дважды? Если он повинуется силе Божией, то какая нужда во втором ударе? А если ударяет без содействия силы Божией, то ни второй, ни десятый, ни сотый удар не возможет бесплодную природу сделать плодотворною. Итак, поистине, если сие действие было чисто Божеское и не таинственное, довольно было одного удара, одного мановения, одного слова. Но сделано два удара для того, чтобы предначертать образ креста. Ударил, сказано, Моисей дважды, не одинаковым образом, но крестообразно, дабы и неодушевленная

природа благоговела пред знаменем креста».

б) Медный змий, повешенный Моисеем в пустыне на знамени. Об этом прообразовании говорит Сам Спаситель: «Якоже вознесе Моисей змию в пустыне...» (Ин. 3, 14). Севериан Габальский спрашивает: «Каким образом принесло здравие народу, находившемуся в несчастьи и боровшемуся с болезнию, изображение проклятого животного? Не вероятнее ли было бы, если бы он [Моисей] сказал так: «Если кто из вас будет ужален, тот пусть взирает на небо или на скинию Божию и получит спасение». Но, считая это меньшим, он поставил только образ креста»¹².

В Книге Судей четвероконечный крест прообразовал Самсон, обхвативший обеими руками столпы в филистимском храме (Суд. 16:26–30). «Примечайте и здесь, – говорит блаж. Августин, – образ креста, так как простерший обе руки к двум колоннам, простер их как бы к двум древам креста, но он умертвил противников, раздавив их; также и Его [Господа] страдания сделались причиною смерти для преследователей»¹³. В Книге Царств прообразованием Животворящего Креста служили, по замечанию свв. отцов, те поленца, которые собрала вдова сарептская, чтобы испечь на них хлеб (3Цар. 17:12). Блаж. Августин говорит: «Здесь изображается знамение креста не одним только деревом, но даже и числом деревьев»¹⁴. В другом месте он говорит: «Эта вдовица не имела ничего, что оставалось у ней, и то было кончено, и с своими детьми она должна была умереть. Вот вышла она собрать два поленца, чтобы испечь себе хлеб, и тогда-то увидел ее Илия; тогда увидел ее человек Божий, когда она искала двух поленцев. Эта женщина прообразовала Церковь, и так как крест делается из двух деревьев, то она, угрожаемая смертию, искала того, чем она могла бы всегда существовать»¹⁵.

Таким образом, прообразования св. креста в Ветхом Завете имели подобие креста четвероконечного, а отнюдь не восьмиконечного; значит, и самое Животворящее Древо должно быть четвероконечным.

Обращаясь от образов и сеней к самой вещи, мы действительно находим, что Крест нашего Спасителя был по форме своей точно таким, каким прообразован, т. е. четвероконечным. Кресты римлян, которые одни только употребляли во время земной жизни Господа нашего Иисуса Христа для крестной казни, были именно по преимуществу четвероконечные. Различные вещественные памятники и изображения св. креста, дошедшие так или иначе от первых десяти и последующих веков до XVII столетия, когда в первый раз наши мнимые старообрядцы сделали титул и подножие существенными принадлежностями креста, неопровержимо подтверждают то, что вид орудия смерти Христовой был

четвероконечный. Итак, с Божиею помощью, начнем речь о форме св. креста и прежде всего – о кресте вещественном.

А. О кресте вещественном

А) О форме Креста первоначального, Первоживотворящего, собственно – Господнего. Положивший душу Свою за живот мира, Спаситель наш принял страдания и смерть от представителей этого грешного, развращенного, злобного мира – римлян – обладателей света, которым предали Его иудеи. В Риме же в то время была в употреблении самая жестокая, мучительнейшая казнь – крестная¹⁶, перешедшая туда вместе с нравами и обычаями побежденных им народов. У самих иудеев, злоба которых вознесла на древо пришедшего Мессию, не было крестной казни: за некоторые преступления закон повелевал вешать на дереве преступников, но их не прибавали гвоздями, и трупы при наступлении вечера надлежало снимать для погребения¹⁷. Из евангельской истории видно, что Иисус Христос злобою иудейского синедриона представлен был в преторию Пилата, как возмутитель общественного покоя и злодей (Ин.18:30), и римский наместник, имевший слабость уступить неистовым воплям первосвященников, книжников и народа – распять Иисуса, передал Его им, да распнется, конечно, на таком кресте, на каком обыкновенно казнили преступников римские законы. И самые обстоятельства распятия Господа Иисуса Христа показывают, что Он был распят именно на кресте, бывшем в то время в употреблении у римлян, с обычаями, какие у них при этом водились. Вот эти обстоятельства распинания преступников у римлян. Распятию большею частью предшествовало бичевание¹⁸, – и Господь наш прежде распятия потерпел то же: «Иисуса же бив, – сказано о Пилате, – предаде им, да Его пропнут» (Мф.27:26. Мк.15:15). Поэтому св. евангелист Матфей употребляет самое слово, выражающее это действие – бичевание – (φραγέλλισσας, (лат. fragellare – бичевать). Распинателями были воины, которые у римлян совершали все казни¹⁹. Преступник сам должен был нести свой крест до места казни, подвергаясь в это время насмешкам и побоям²⁰; крест ставили прежде²¹, а потом уже пригвождали к нему преступника, – отсюда выражение: быть поднят, вознесу на крест²². С распинаемого снимали всю одежду²³, которая поступала в собственность воинов²⁴. Погребения для преступников, уже распятых, не было²⁵. Иногда, однако же, родственникам позволялось погребать их²⁶. В случае нужды (при наступлении праздника, торжества и проч.) жизнь распятых могла быть сокращена перебитием у них ног, а также дымом и жаром от запаленного под крестом хвороста²⁷, наконец, ударом в голову или сердце.

Сличая эти обстоятельства крестной казни с тем, что говорится в евангельской истории о распятии Спасителя, совместно с предыдущими и последующими обстоятельствами, мы находим, что почти все из них повторились и над Божественным Страдальцем; Господь был бичеван и распят римскими воинами. Сам Он нес Крест Свой на Голгофу, причем, конечно, истощено было над Ним, по обычаю, немало насмешек; с Него сняли всю одежду пред вознесением на крест, и так как одежды были очень хороши и ценны, то воины бросили жребий, кто что из них возьмет; у Иисуса Христа, по причине наступления праздника Пасхи, хотели перебить и голени, но так как нашли Его уже умершим, то и оставили кости Его в покое, а у распятых с Ним злодеев перебили их. Что Спасителя, прежде ведения на позорище казни, действительно бичевали, хотя это кажется для нас чем-то новым, чего не привык вмещать наш слух, так хорошо знакомый со всеми выражениями относительно как предыдущих, так и последующих обстоятельств, сопровождавших Страсти Христовы, – доказательством тому, как мы выше заметили, служит самое слово евангелиста Иоанна – φραγέλλιον, от лат. fragellum – бич.

Из всего предыдущего несомненно, что Господь наш был распят римскими воинами на кресте римском. Какой же крест употреблялся у римлян для распятия преступников? – Отвечая на этот вопрос, мы войдем, соответственно нуждам мнимых наших старообрядцев, в подробнейшее рассуждение о виде и составех креста, равно как о роде дерева, из какого он был сделан, и, наконец, о судьбе этого дерева по снятии с него Божественного мертвеца.

У римлян преимущественно употреблялись кресты трех видов:

а) Крест трехконечный наподобие буквы Т (тав)²⁸. Основанием его служил прямой столб или доска около пятнадцати футов длиною, укреплявшиеся в земле; на самом верху его, для прибития рук, делалась перекладина²⁹, длиною семь или восемь футов³⁰.

б) Крест с выдающимся прямым концом поперечника, видимого в букве тав, отчего этот конец, по словам Иустина мученика, походил на рог³¹.

Наконец, в) крест наподобие латинской буквы Х или, как иначе он называется, крест святого Андрея³².

Но более всех других обширное употребление имел тот крест, у которого поперечник был ниже верхнего конца столба, крест наподобие буквы t – с выдающимся концом, т. е. четвероконечный. Теперь спрашивается, на котором из указанных нами крестов был распят Господь Иисус Христос? Несомненно, прежде всего, что не на кресте св. Андрея, –

иначе он и не назывался бы по имени этого апостола.

Следовательно, Спаситель был распят на каком-либо из двух остальных крестов, а между ними, при существовании многочисленных свидетельств и вещественных и невещественных памятников, легко со всею достоверностью указать на один – четвероконечный³³. Более сложных крестов, кроме указанных нами, не было в Риме, да и не должно быть, так как для той цели, для которой существовали тогда кресты, – именно для распятия на них преступников, нужен был именно крест четвероконечный. как наиболее удобный для этого, так как и человек, для которого он изобретен, при распятии представляет из себя четвероконечную фигуру. Крестов с двумя, а тем более с тремя поперечниками не бывало, да и нет ни малейшей нужды, никакого основания предполагать их существование в то время. Но, возразят мнимые старообрядцы, титла и подножие составляют второй и третий поперечники в Кресте Христовом.

Чтобы показать им, что титла к существу креста вовсе не относится, а подножие – и особенно косоое, появилось уже в века позднейшие и прилагается к кресту без твердого исторического основания, единственно по укоренившемуся обычаю, мы разберем с обстоятельностью:

1) что такое титла, по смыслу римлян; из какого вещества была она сделана; как написана, всегда ли она была необходима для креста и относилась ли к существу его, и

2) бывали ли на римских крестах подножия, нужны ли они для какой-нибудь основательной цели и, в частности, было ли подножие на Кресте Христовом и нужно ли оно было?

Слово «титла» (по-гречески τίτλος) – не русское и не греческое, а римское, от *titulus*, и имеет много значений. Мы переберем здесь все эти значения. Слово *titulus* употреблялось у римлян не тогда только, когда дело шло о казни – крестной или другой какой-либо, т. е. не только в смысле известной придаточной ко кресту дощичи, но и во многих других случаях, когда даже вовсе не было речи об этом, как делается это и теперь не только у римлян, но и у других народов, в языки которых перешло это слово. А потому мы рассмотрим значение слова *titulus* с двух сторон: что значит слово титла – *titulus* 1) в тех случаях, когда нет вовсе речи о казни, и 2) в том случае, когда речь идет собственно о казни, чтобы, таким образом, мнимые старообрядцы знали, что такое крестная титла.

1) В первом случае титлами или титулами – *tituli* – назывались: а) Воины (*milites*) как защитники – *tutuli*, так как они защищают отечество – *tueantur* (говорят, между прочим, что отсюда произошло и прозвание

Тита).

β) Титла значит то же, что монумент, потому что он как бы оберегает – tueatur – и сохраняет память о чем-нибудь; поэтому гробницы называются титлами – tituli. Иосиф Флавий упоминаемый в 1Цар. 23, 17 памятник называет гробницею. «Что такое этот titulus, который я вижу?» – спросил царь Иосия. «Это гробница человека Божия», – отвечали граждане того города. Так, статуи, колонны, пирамиды, поставленные в память чего-либо, называются также титлами – tituli.

Далее, – γ), по замечанию Барония, под 112 годом по Рождестве Христовом титлами или титулами были называемы платы, означавшие царскую власть, с изображением императоров или с надписанием их имени (соответствуют нынешним флагам или гербам). Св. Амвросий, пиша к Марцеллине, такие платы (cortinas) называет царскими, а царский фисковальщик наложением этих гербов обыкновенно усвоял и посвящал известную вещь царю.

Эти титлы или гербы были достоянием не одних только владетельных особ, но и частных людей, даже принадлежностию каждого звания и состояния; в этом случае титла была 5) простым знаком, усвоившим что-либо кому-либо и служившим, таким образом, печатью собственности. Это видно из изъяснения блаж. Августина на двадцать первый псалом.

Из общества гражданского перешло это слово и в церковь: известное место или известный дом с водружением на них креста, как бы с наложением какого-либо герба, назначались к священному употреблению; так, греческий император Феодосий в последней книге о язычниках³⁴ предписал, чтобы языческие капища, по поставлении на них знамения достопоклоняемого креста, присвоиваемы были христианам. Отсюда произошло то, что и самое это место, или церковь, стало называться титулом – titulus – титлою³⁵. С течением времени титулами стали называться только главные церкви. Таким образом, титла) значила то же, что церковь.

Наконец, ζ) последнее значение слова «титла» есть имя, название чего-нибудь; например, Светоний в житии Домициана говорит: «Он восстановил (restituit) многочисленные и обширнейшие творения, истребленные пожаром, но только под своим именем (титулом), без всякого упоминания о прежнем создателе»³⁶. В таком же смысле слово «титла» употреблено в Четьи Минее Макарьевской, в житии преп. Максима Исповедника: «Препрен убо быв Пирр (патриарх Цареградский). приста ко правоверным и прият бысть от церкви любезно и честно вкупе с титлою патриаршею» (25 янв.).

Вот все значения слова «титла» в тех случаях, когда нет речи о кресте.

2) Теперь посмотрим, что значит «титла», когда речь идет о какой-либо казни. Приведем здесь выражение о ней а) внешних писателей и б) самих свв. евангелистов. Светоний о Калигуле говорит, что в Риме, на публичном пиршестве, он вдруг отдал палачу слугу за то, что тот сорвал с кровати серебряную дощечку³⁷.

Теперь послушаем, что говорят о титле святые евангелисты. Снесем здесь места всех четырех евангелистов, в которых они говорят об этой титле – а они все выражаются различными словами об этом предмете, – и затем покажем, что такое титла на кресте по смыслу римлян, так как она была в обычае только у них. Св. евангелист Матфей знаменательно говорит: «И возложиша верху главы Его [Иисуса Христа] вину [αἴτιον] Его написану: Сей есть Иисус, Царь Иудейский» (Мф.27:37). Св. евангелист Марк повествует: «И бе написание вины Его написано: Царь Иудейский» (Мк.15:26). Св. Лука говорит: «Бе же и написано над Ним писмены еллинскими и римскими и еврейскими: Сей есть Царь Иудейский» (Лк.23:38). Св. евангелист Иоанн говорит: «Написа же и титла Пилат, и положи на кресте: бе же написано: Иисус Назорянин Царь Иудейский. Сего титла мнози чтоша от иудей, яко близ бе место града идеже пропяша Иисуса: и бе написано еврейски, гречески, римски» (Ин.19:19–20). Таким образом, евангелист Матфей титлу называет виною написанною; св. Марк – написанием вины, св. Лука – написанием написанным, а св. Иоанн евангелист употребил здесь самое слово римское – титла: «Положи же и титла Пилат». Так как в надписи обозначена была мнимая вина Господа, за которую распяли Его, то евангелист Матфей называет титлу виною написанною, а евангелист Марк соединил вместе оба слова, надписание и вина, и сказал: «И бе написание вины Его написано»; евангелист Лука, обращая внимание на одну надпись, на одни слова, говорит просто, что на кресте написана была надпись. Но знаменательнее всех о титле говорит св. Иоанн, называя надпись на кресте самым латинским³⁸ словом *títulos*, так как под этим словом разумел именно то, что разумели под ним в то время римляне, т. е. самую надпись и вещество, на котором она была написана, и самую вину смерти. Отсюда выводим значение слова титла, именно: титла – то же, что 1) вина, причина, по которой кто подвергается крестной казни, 2) преступление, за которое казнят, и 3) самое вещество, на котором надписывалась вина; кратко же, одним словом, по-римски все это называется вместе титлою – *titulus*, как и назвал его св. евангелист Иоанн. Хотя он писал свое Евангелие, по свидетельству отцов и учителей Церкви, на греческом языке, но употребил здесь римское слово, между прочим,

потому, что многие римские слова, во время Христа Спасителя и после, перешли в греческий язык и сделались греческими; к числу их относятся слова: τίτλος – titulus, φραγέλλον – fragellum, πραιτώριον (Ин. 6), λεγεών (Лк. 8), λιβέρτινος (Деян. 6), σουδάριον, κουστοδιά, λιντσον, σλεκουλάτωρ и др.

Каково было вещество, на котором была написана титла? Созомен, описывая обретение Честного Креста св. Еленой, говорит, что в пещере, в которой найдены были три креста, найдена также отдельно и белая дощечка, похожая на табличку, на которой начертаны были буквы не только еврейские, но и греческие и римские, – каковы слова и буквы выражали не иное что, как следующее: Иисус Назарянин Царь Иудейский³⁹. Итак, мнимая вина смерти Христовой была написана на дощечке, которая для большей ясности и удобства при чтении была побелена белой краской (λευκῶμα); самые слова имели красный цвет, как это видно на остатках титлы, хранящейся в Риме⁴⁰, и были вырезаны на дереве железным инструментом (stylo ferreo) в обратном порядке букв, как в еврейском языке, так как еще и в это время был в большом употреблении способ письма, изобретенный гораздо раньше посредством вырезывания на дереве, металле или камне, и греческий глагол γραφεῖν, εγγράφειν, выражающий именно этот древнейший способ письма, имеет прежде всего именно это значение, т. е. вырезать железным инструментом, как замечает Иоаким Перионий во второй книге о сродстве французского языка с греческим, потому что французский глагол engraver (sculperе, insculperе), происходя от греческого εγγράφειν, – значит вырезать, насекать на чем-нибудь⁴¹. По римскому обычаю, дощечку с надписанием вины иногда несли впереди преступника до места казни, или он сам нес ее на своей шее, или, наконец, ее прибавали ко кресту. Но она не была всегдашнею, неотъемлемою принадлежностью креста. Иногда, вместо того чтобы писать имя преступника и преступления на дощечке, привешивать ее ему на шею или нести ее пред преступником и потом прибавать на кресте, поступали в этом случае проще: один из воинов в слух всего народа должен был прокричать: такой-то распинается за такое-то преступление, и затем виновный был распинаем без прибития над ним титлы. Например, на крестах разбойников, распятых с Иисусом Христом, не было титл⁴².

Из всего сказанного о титле видно, что она вовсе не составляла существенной принадлежности креста и, следовательно, не была частью креста; она могла быть на кресте, но могла и не быть; ее могли писать и иногда писали и прибавали ко кресту, но могли и не писать, а просто

провозгласить, что известный преступник распинается за то-то; в обоих случаях, т. е. была ли на кресте титла или надпись или не была, он все же оставался крестом, подобно тому, как, например, и дом какого-нибудь человека, будет ли на нем надпись с именем домовладельца или не будет, все же останется домом.

Чтобы еще более мнимые старообрядцы убедились, что и без титлы крест есть тот же неизменный крест Христов, довольно поставить на вид слова св. евангелиста Иоанна о титле, положенной Пилатом. Какие же это слова? Мы привели уже их выше, но здесь для этой цели приведем их снова. Св. Иоанн говорит: «Написа же и титла Пилат, и положи на кресте» (Ин.19:19). На чем положил Пилат титлу? – На кресте, на том самом кресте, на котором уже висел наш Спаситель. Значит, и до титлы крест уже был Крестом Христовым – и даже тогда, когда только еще нес его сперва Сам Спаситель, а потом Симон Киринейский на Голгофу.

Обращая внимание на титлу, как она делается на наших крестах, мы не можем не сказать, что в ней трудно узнать ту титлу, какая была положена на Кресте Господнем: благочестивый обычай так прикрепил ее к древу крестному, что она как бы составляет в нем самую существенную неотъемлемую часть, вместе с тем поперечником, который вмещал на себе пригвожденные руки Божественного Страдальца: наша титла врезывается в крест, а не кладется или прибавляется к нему слегка, сообразно с ее назначением: или если она делается из металла, то мы видим и в этом случае не дщицу какую-нибудь, а настоящий поперечный рей.

Церковь допускает такое составление крестов, конечно, потому, что это нисколько не вредит вере и благочестию, и никто из здравомыслящих, конечно, не станет стоять за такой или другой вид креста. Для христиан всегда есть только один крест – Христов – с титлою ли он или без титлы, с подножием ли или без него. Но если раскольники так ратуют за эту титлу, то справедливость требует сказать, что верхние поперечники креста следовало бы не так утверждать на нем, как он утверждается у нас, если уж они непременно хотят, чтобы на кресте была титла, а так, чтобы видно было, что это ни больше ни меньше как крестная надпись, которая во всяком случае не составляет части креста и при счете его концов не должна быть принимаема во внимание, как нечто случайное, прибавочное. Притом, если уж мнимые старообрядцы непременно хотят видеть на кресте титлу и без нее не хотят поклоняться кресту, то затем они позволяют себе не изображать на кресте или не вколачивать в него гвоздей, прободших Животворящие длани Спасителя, и не считать концов их вместе с концами титлы и подножия, между тем как римские огромные

гвозди, употреблявшиеся в этом случае, действительно выдавались поверх пригвожденных рук и ног, как показывают древнейшие памятники Распятия?⁴³

Чтобы быть последовательными и верными самим себе, мнимым старообрядцам необходимо нужно бы обратить на это внимание и вбивать гвозди во всякий крест и без них не считать крест крестом: гвозди в сравнении с Пилатовою надписью имеют неоценимое достоинство, потому что они прошли Пречистые длани и стопы и обагрились их кровию. Св. Златоуст и Иоанн Дамаскин, перечисляя достопоклоняемые орудия страданий Христовых, говорят между прочим и о гвоздях, а о титле – ни полслова⁴⁴. Значит, титлы не следует почитать, кроме разве той, которая была первоначально на Кресте Господнем. Правда, раскольники могут сказать, что гвоздей в кресте они не изображают или не вделывают потому, что подразумевают их и, не видя их очами, видят мысленно и также поклоняются мысленно. Но если так, то почему не подразумевать и титлы или надписи крестной, которая в кресте гораздо маловажнее гвоздей?

Показавши значение, вещество и степень важности титлы при крестных казнях и, в частности, на Кресте Господа нашего Иисуса Христа, теперь скажем о подножии на крестах, и именно о том, бывали ли подножия на римских крестах, нужны ли они для какой-нибудь основательной цели, в частности о том, было ли подножие на Кресте Господнем и нужно ли оно было на этом Кресте.

Что касается вопроса о том, бывали ли подножия на римских крестах, служивших обыкновенно орудием казни для некоторых преступников, то на это можно отвечать решительно, что их не было. Ни один из римских историков, ни один отец или учитель Церкви, до Григория Турского, писателя VII века, не говорит о крестном подножии. У Сенеки⁴⁵ есть место, где говорится об остром кресте, который, будучи вбит в обыкновенный крест, служил седалищем для распятого, на котором он, приседая, тяжестью своего тела давил происходящую от такого острого рожна рану и висел в самом стесненном положении. Это – именно то самое седалище, о котором, как увидим ниже, упоминают свв. Иустин и Ириней⁴⁶.

Замечательно, между прочим, выражение Сенеки, который острое седалище называет крестом (*acuta scix*). Это, конечно, потому, что у римлян называлось крестом всякое вообще дерево, причиняющее мучительную, медленную смерть, и самое слово «scix» происходит от слова *cruciat* – мучение. Но быв иногда устроено на других римских

крестах, седалище не было сделано, как увидим ниже, на Кресте Спасителя. Итак, с некоторою лишь вероятностию можно сказать, что на римских крестах было только седалище, которое, доставляя весьма небольшое спокойствие телу тем, что поддерживало на себе его тяжесть, вместе с тем кололо и резало его задние части. Что же касается подножия, то его не было на римских крестах, что видно еще из следующего. Когда писатели говорят о распятии на кресте, то обыкновенно употребляют слова или *affixus*, *crucifixus*, или *appensus*, *suspensus*, но никогда, например, *status*, *constitutus in cruce* или *in cruce*, – т. е. говорят или о прибитии гвоздями, или о повешении, но никак не о поставлении на крест. Это же видно и из того, что некоторых вешали вниз головою, как, например, это свидетельствует Евсевий об египетских мучениках⁴⁷; в таких случаях для головы, конечно, не делали изголовья, потому что прямо говорится, что они висели вниз головою, а не стояли на голове⁴⁸. Св. апостол Петр также повешен был вниз головою и прибит гвоздями по рукам и ногам. Св. Златоуст, говоря об этой казни апостола, прибавляет: «Благословенные гвозди, которые пронзили эти священные члены»⁴⁹.

Теперь решим другой вопрос: нужно ли было крестное подножие для какой-либо основательной цели? Если оно было нужно, то нужно было именно только по двум причинам: или 1) оно было прямою необходимостью в кресте как средство против того, чтобы тело, вися на кресте, своею тяжестью не раздрало рук, прибитых гвоздями, которые одни поддерживали на себе все тело, или 2) подножием хотели доставить распятому некоторое послабление, отдохновение в муках висения, и, значит, оно было внушено прокуратору, произносившему приговор к казни, и исполнителям последней чувством сострадания. Но в первом случае надобно допустить, что связи рук так слабы, раздирчивы, что тело не в состоянии висеть на последних, что, как увидим, решительно несправедливо.

Можно ли теперь допустить вторую причину, т. е. можно ли предположить чувство жалости в произнесших смертный приговор римских начальниках, в силу какого чувства они позволяли бы делать на кресте подножие для небольшого облегчения распятых? Можно сказать положительно, что такая причина здесь вовсе не идет к делу. Крест есть изобретение бесчеловечия, и о римлянах, живших во времена Христа Спасителя и после, вообще известно, что они были слишком бесчеловечны и любили потешаться в цирках кровавыми сценами. В частности, о воинах известно, что они были весьма бесчеловечны и грубы, почему и совершали у римлян все казни. Чтобы убедиться в этом, стоит здесь припомнить

сказание евангелистов о распятии Спасителя, о том, как воины более других насмеялись над Ним, били Его тростью по голове и руками по щекам.

Притом устройство подножия на кресте неуместно и потому, что стояние вообще не доставляет спокойствия телу и ногам, особенно, когда человек еще прежде стояния чувствовал усталость; тем более не может доставить спокойствия стояние на ногах, прибитых гвоздями: тут для ног двойное страдание – одно от напряжения мускулов протянутых ног, а другое – от жгучих, жесточайших язв гвоздинных. Отраднее в этом случае висячее положение тела, – положение не напряженное, мы чувствуем себя покойно, когда лежа сгибаем несколько ноги или когда сидим, также согнув опущенные на пол ноги. Замечательно в этом отношении, что все животные, отходя ко сну, сгибают ноги. Значит, не совсем-то легко быть в стоячем положении, тем более тогда, когда при этом ноги прибиты гвоздями. Поэтому всего проще и основательнее представлять распятие без подножия – с согнутыми ногами. Справедливость нашего суждения вытекает еще из следующих соображений: если на кресте было подножие, то оно, без сомнения, было или в виде деревянного бруса, или дощечки, или каких-нибудь подставок – словом, оно было устроено так, что на нем могли поместиться и твердо стоять обе стопы. Если же распятый мог с прибитыми на кресте руками стоять на подножии без прибитая гвоздями ног, если всякая, почти невозможная опасность побега в этом случае предотвращалась стражами (Мф. 27, 36). при кресте, то зачем же, спрашивается, еще прибавать самые ноги к подножию, если подножие внушено чувством некоторого сострадания? Ноги Спасителя, по свидетельству Евангелия, действительно были прибиты ко Кресту гвоздями жестокосердыми воинами, а потому нельзя думать, что подножие на Кресте было допущено ими из чувства сострадания к Распятому.

Мы можем показать, что не нужно было на Кресте подножие как средство против того, чтобы не раздрать рук от язв, сделанных гвоздями, и чтобы Распятый, упавши со Креста, не ушел. По уверению хирургов, ладони рук так крепки, что и будучи прибиты гвоздями, они в состоянии сдержать на себе всякое тело, пока оно живо, или, умерши, еще не начало гнить, и чем ближе к кисти проходит гвоздь, тем надежнее на них висение. Это видно между прочим и из того, что некоторые апостолы и мученики были прибиты ко кресту вниз головою – и однако же висели без опасности оторваться от креста. Если в таких случаях ноги могли сдержать на себе все тело, то отчего же не могли руки, когда они, по уверению тех же

хирургов, нисколько не слабее ног? Притом известно, что мученики висели иногда на одних волосах; то же известно об Авессаломе. Римские воины, упражнявшиеся раньше в распинании других, конечно, знали по опыту, что тело, висящее на кресте, не может разорвать рук, проколотых гвоздями, и потому для этой цели подножие считали, без сомнения, вещь ненужною; вся забота их здесь состояла в том, чтобы поскорее исполнить приказание начальника и повесить какого-нибудь раба, злодея или возмутителя общественного спокойствия. Заботиться о подножии, вещи совершенно ненужной, что за нужда?

Теперь решим вопрос о том, было ли подножие на Кресте Господа Нашего? Отвечаем так же, как и прежде, – не было. Христос Спаситель распят римскими воинами, конечно, с соблюдением употреблявшихся при этом у римлян обычаев, как мы видели это выше. Значит, и Крест Его был тоже римский, а как римские кресты не имели подножий, то и Крест Христов был также без подножия. И свв. евангелисты, говоря о распятии Господа на кресте, вовсе не упоминают о подножии, хотя о титле говорят в весьма ясных словах. Далее, ни один из свв. отцов первых веков (до VII века), говоривших о форме Креста и перечислявших его части, не говорит о подножии ни слова. У одного писателя VII века – Григория, епископа Турского (в Галлии), встречается свидетельство о подножии на Кресте Спасителя; но сам же Григорий, кроме того, что свидетельство о подножии приводит по собственному соображению, изменяет себе, говоря, что на древних изображениях Креста ноги Иисуса Христа представляются висящими, а не стоящими. Но что это за свидетельство, которое, говоря о подножии, само же опровергает себя? Между тем, если бы подножие действительно было на Кресте, то о нем непременно упомянули бы и евангелисты, и отцы и писатели Церкви, описывавшие вид Креста: подножие, как место Пречистых ног Господа, пробитое вместе с ними гвоздями, орошенное Кровию Владычнюю, было бы известно так же, как и самый Крест, так как и оно вместе с Крестом составляло бы драгоценное для христиан сокровище. Между тем свв. евангелисты и отцы и учителя Церкви, не говоря о нем, говорят о неважной принадлежности Креста – титле. Притом, если бы подножие на Кресте было, то оно навсегда и осталось бы с ним, так как, по всей вероятности, оно прибито было ко Кресту столь же крепко, как и тот поперечник, к которому пригвождены были руки: оно должно было поддерживать на себе тяжесть тела, и как сохранился тот поперечник, так сохранилось бы и оно; однако ж при обретении Креста подножия не оказалось, тогда как титла, которая, вероятно, была прибита ко Кресту слегка (положена, как выражаются свв.

евангелисты), найдена была в особом месте.

По всей вероятности, подножие начали изображать на крестах со времени того Галликанского епископа, который, как мы видели, передает мнимое свидетельство о подножии, – то есть – с VII века, хотя, конечно, этот обычай и после не всюду распространился⁵⁰. И с этих пор до самых позднейших веков кресты делались и изображались большею частью без подножий; таковы и гораздо прежде и после были все кресты на храмах Божиих, на священных и мирских лицах (кресты наперсные (εὑκολλίον) и носильные крестики), одеждах и сосудах, на царских коронах, как все это увидим ниже; а на тех крестах, на которых делалось подножие, вместе с ним всегда непременно было изображаемо Распятие Господа (с VII века), и без Распятия никогда и нигде до самого позднего времени этого подножия ни делали, ни изображали. Это доказывается крестами, о которых мы сейчас упомянули. Притом, когда писали на кресте подножие, его никогда не делали косым, чего хотят наши мнимые старообрядцы, а в виде бруса или площадки, несколько отвесных, так что ноги свободно, ровно и твердо стояли на нем⁵¹. Вероятность мнения, что подножия начали изображать со времени Григория Турского, не раньше, подтверждает следующее обстоятельство. В Западной Церкви хранятся два вещественных памятника св. креста, принадлежащих VIII веку и составлявших собственность Карла Великого, из которых у одного уже есть подножие, а у другого – нет, хотя оба – с Распятием Христа. Древнейший крест, приписываемый св. Никодиму, – без подножия. Этот крест, о котором у нас будет речь впереди, очевидно, относится к глубокой древности и служит безмолвным свидетелем того, что в первые века нашей эры не было предания о существовании на Кресте Христовом подножия.

Когда начали изображать косые подножия на крестах? Древнейшие памятники креста – греческие, римские и др. ничего не представляют в этом роде, – значит, косое подножие есть произведение самого позднего времени, притом – наше русское. Определяя приблизительно время его появления, мы можем с вероятностью полагать, что этим временем был XV или XVI век⁵² – время крайнего невежества в нашем отечестве и появления многих, иногда самых нелепых и вздорных сказаний и историй, касающихся предметов веры и Церкви. В самом деле, когда читаешь мудрование наших так называемых старообрядцев о том, что означало это положение на Кресте с косым подножием нашего Господа, Который «одну ногу десную облегчи того ради, да облегчатся греси верующих в Него и во второе пришествие возмутся горе в сретение Его, а шуюю того ради отягчи, подножию долу понизшуся, да не верующие в Него отягчатся и

сниздут во ад»⁵³, – тогда невольно вспоминалось это множество вымышленных сказаний и повестей, для которых было так плодотворно темное воображение наших предков⁵⁴. Конечно, такое мудрование не содержало в себе ничего противного истинной вере, но ничто не может поручиться за его истину, и оно вредно уже тем, что сильно отзывается новизною и самонадеянною и бесстыдною удалью объяснять по-своему то, чего никто из отцов и учителей Церкви не объяснял. Да и кому нужно было делать кособокое подножие на Кресте Спасителя, когда оно так неудобно, нелепо и не достигает своей цели? Воинам? Но они делали только то, что обыкновенно было в этом случае во всякое другое время, – и если бы, предположим, непременно требовалось подножие, то они подложили бы под ноги более соответствующее цели, а не наше кособокое. Или сам Спаситель выразил волю Свою, чтобы ноги Его пригвоздили на кособоком подножии? Но кроме того, что это нелепо (Господь ни в чем не пререкал: Он дал полный простор буйной воле Его врагов), кто из воинов послушался бы Его и осмелился сделать то, чего на других крестах никогда не бывало? Да и можно ли было ожидать этого от таких воинов, каков, например, был тот, который, как бы в отместку за то, что Господу не перебили голени, подобно разбойникам, был настолько жесток и бесчувствен, что ни мало не думая поднес копье и пронзил Его бок? Чего доброго можно было ожидать от подобных людей?⁵⁵

Кроме всего этого, надобно поставить мнимым старообрядцам на вид то, как мы почти уже доказали, что на Кресте Христовом не было никакого подножия, не только кособокого, но и прямого. Последнее доказательство в пользу этого основывается на следующем соображении. В описании последующих обстоятельств распятия Господня евангелист Лука между прочим говорит: «Един же от обещанною злодею хуляше Его...» (Лк.23:39), т. е. говорит о висении на кресте разбойника, хулившего Господа, а известно, что и Господь, и другой разбойник, благоразумный, были распяты одинаково со злым разбойником, следовательно, и Господь также был повешен, т. е. был в висающем положении на Кресте, а отнюдь не в стоячем. Но как же сказать, что Он висел на Кресте, если сказано в Писании: «Дадим подножие под ноги Его»? Всякий согласится, что подножие для того и существует, потому так и называется, что на нем стоят или утверждают ноги, и кто стоит на подножии, тот не висит.

Что значат слова: висит, повешен на кресте? Конечно, то, что человек, прибитый ко кресту ладонями рук и стопами ног, всеми остальными частями своего тела висит, т. е. в отвесном положении тяготеет к земле. Говорим: в отвесном положении – потому, что когда ноги прибиты ко

кресту стопами, тогда в коленях по необходимости делается сгиб и таким образом тело представляется висящим в собственном смысле. Из всего этого следует заключить, что на Кресте Господнем не было не только подножия, но и сидалища, о котором упоминает Сенека и даже некоторые из отцов первых веков. Стояние на подножии так несовместимо с висением, что уж если ноги поставлены на подножие, то вместе с тем треть тела и опирается именно на подножие, и в таком случае тело не висит, а стоит на подножии.

Кроме евангелистов, во многих церковных песнях и канонах говорится также, что Христос Спаситель висел на кресте, например, в службах на Великий Пяток.

Решим теперь последний вопрос: не нужно ли было подножие собственно на Кресте нашего Спасителя, т. е. не нуждался ли Он по причине крайнего, предшествовавшего распятию, изнеможения и совершенного изнурения сил?

На это тоже нельзя отвечать иначе, как только так, что для Спасителя, несмотря на изнурение Его сил, подножие не было необходимо. От ослабления телесных сил, по свидетельству хирургов, не делается слабее жилистая материя рук, – она делается даже крепче по мере того, как душа оставляет тело, и жилы мертвого тела – самые крепкие. Этим объясняется то обстоятельство, почему так часто во время гонений секли христиан жилами животных. По своему жилистому, мускулистому и костлявому существу руки во всяком случае достаточно сильны и крепки для того, чтобы держать на себе висящее тело. В заключение скажем: если бы вообще человеческие руки были так слабы, если бы подножие было действительно нужно, то ужели, в продолжение XVIII века, анатомы и хирурги не заметили бы такой несообразности в изображении Распятый с действительностью и не посоветовали бы живописцам, плотникам, статуйщикам и самим священнослужителям, которые заведывают этим, устранить такую несообразность – делать непременно подножие, именно по той причине, что тело не может висеть на одних руках? Однако же большая часть древнейших и новых Распятый на крестах не имеют подножий и никто никому не замечал, что это – неправильно или нелепо.

Определив, сколько было возможно, на основании достоверных свидетельств, вид того первоначального Креста, на котором распят был Господь наш, и сказав, что представлялось нужным, о титле и подножии на кресте, скажем теперь, кстати, несколько слов и о том, из какого дерева сделан был этот первый Честной Крест и что случилось с ним по снятии с него Пречистого Тела.

По достоверным известиям древних римских писателей, крест, который большей частью носил на себе презрительное имя «несчастливого дерева» (*arbor infelix*), всегда делался из деревьев так называемых несчастных и проклятых (*arbores infelices damnataeque religione*), но никогда из деревьев лучших, которые большею частью у римлян посвящены были богам (например, дуб – Юпитеру, лавр – Аполлону, олива – Минерве, мирт – Венере, тополь – Геркулесу) или употреблялись на делание кумиров (например, деревья: кедровое, виноградное и др.). Из дерева, приносимого в дары богам, сделать крест – позорное орудие смерти – значило, по мнению язычника, оскорбить богов. К числу таких несчастных деревьев относились некоторые деревья бесплодные, дикие, колючие. По всей вероятности, на одном из этих, проклятых в народном мнении, деревьев пострадал и Спаситель наш. Из евангельской истории мы знаем, что воины, на распоряжение которых отдал Пилат Иисуса Христа для того, чтобы, в удовлетворение народу, больше обесславить Господа и наругаться над Ним, сплели Ему и возложили на Его голову, быть может, по обычаю римских царей, которые, как видно на монетах, носили на голове лавровые венки, не лавровый или дубовый или какой-нибудь другой бывший в употреблении венок, а терновый, как венок из такого деревца, которое по своей колючести и бесплодию почиталось презренным. Если они поступили так в этом случае, то почему бы им было сделать иначе в избрании дерева для самого Креста? И там, и здесь у римских воинов и у иудеев была, конечно, одна цель, с исключением всякой другой: бесславление и страдание приговоренного к крестной казни; следовательно, если венок на голове Спасителя сделан был из терния, вместо дуба или лавра, как было обыкновенно, то отчего бы им нужно было самый Крест делать из хорошего дерева, а не из худого и презренного? Притом, если бы на Крест Господа было употреблено дерево не обыкновенное, если бы при выборе его случилось что-либо особенное, то свв. евангелисты не оставили бы этого без замечания, так, как, например, они заметили, что тело Христа Спасителя положено было в новом гробе. Не говорим уже о том, что римские воины не имели со своей стороны побуждений употребить особенное, лучшее дерево для Креста Господня. По какой-то непонятной причине они были слишком ожесточены против Спасителя: говорили Ему насмешливые приветствия, били по голове тростию, плевали Ему в лицо и, становясь пред Ним на колена, кланялись Ему. Чего же хорошего можно было ожидать от них? Когда Спаситель был приговорен ко кресту, как преступник, большинство бывшего при распятии народа смотрели на Него также неблагоприятно: не много избранных было тут, которые или от

души верили, или только догадывались, что это – не обыкновенный человек, а Сын Божий; самая же большая часть видела в Нем обыкновенного человека, – и именно преступника, достойного позорной казни. Из обстоятельств, последующих за распятием, видно, что даже мимоходящие путем голгофским дерзко насмеялись над Спасителем, кивая головами. Висящие со Христом разбойники, кажется, едва ли не были оставлены без внимания неистовым народом; может быть, он высказывал даже чувство жалости к ним. Главное же внимание всех было устремлено на Того, Кто висел на кресте среднем, так что даже «един от обещенного злодею» вместе с народом хулил Спасителя. Можно ли поэтому даже думать, что на крест такого презренного, по мнению воинов и народа, человека употреблено было особенное, лучшее сравнительно с другими дерево? Судя по непомерной злобе и ожесточению иудеев, которые, конечно, поджигали свежими клеветами и воинов, скорее и с большею основательностью можно спросить, не употребили ли они на Крест Господа самого проклятого, так сказать, дерева, если только оно было, – самого худшего и презренного? Действительно, он сделан был из презренного дерева, из такого, из какого сделаны были и кресты распятых со Христом злодеев. Это подтверждается историей обретения Креста Господня и свидетельством св. Григория Нисского, который, в свою очередь, основывает его на всеобщем мнении народа.

По обретении Креста Господня вместе с двумя крестами распятых со Христом злодеев первый, без чудесного указания Божия, не мог быть отличен от последних⁵⁶. Это обстоятельство заставляет думать, что или Крест Спасителя сделан был из таких же деревьев, из каких обыкновенно делаются кресты злодеев, или на кресты распятых со Христом злодеев употреблены такие же лучших родов дерева, какие желают видеть в составе Креста Господня наши мнимые старообрядцы (о чем речь будет в конце). Но последнее невозможно по обычаям римлян, а первое, по этому самому, оставаясь верным, подтверждается еще тем, что обретенный Крест Христов в глазах очевидцев не имел тех качеств в физическом отношении, какие усматривают в нем люди позднейшего времени. Христиане IV века видели сами и во услышание всех возвещали, что дерево, входящее в состав Креста Господня, принадлежит именно к таким родам деревьев, которые во мнении людей почитаются достойными презрения. Немногие, правда, из отцов IV века передают нам такое мнение своих современников о древе Креста Господня, но тем не менее это достоверно. Григорий Нисский, на основании всеобщего, дошедшего до него слуха, не сомневаясь, относит Животворящее Древо Креста Господня к деревьям презренным. «Обращая

внимание, – говорит он. – на многие из предметов церковных, хотя презренным видишь в них то, что подлежит взору, но между тем велико то, что они производят... И древо Креста Господня всем человекам спасительно, несмотря на то, что есть часть, как я слышу, древа презренного и многих бесчестнейшего»⁵⁷. Одно это свидетельство знаменитого богослова и отца Церкви IV века, по всей справедливости, заслуживает полного доверия.

Что касается судьбы самого Креста Христова, после того как Иосиф Аримафейский снял с него Пречистое Тело Христа Спасителя, то из иудейского предания известно, что все орудия, которыми нанесена была смерть виновному, зарывались обыкновенно в земле на месте казни. Такое предание сохранил Моисей Кордубский, знаменитейший между иудеями раввин, в обширном творении своем – «Manus fortis» (Рука храброго), в трактате Sanhedrin (гл. 15, ст. IX) и в комментарии на «Мизнайот» – древнейшую книгу иудеев, служащую основанием всего их права и предания. Что обыкновенно было с орудиями казни над преступниками, то же самое последовало и с Крестом Господа. Полагаясь на указанное сейчас предание, христиане срыли потом, по повелению равноапостольной царицы Елены (как об этом будет сказано ниже), с места казни Господа на Голгофе большую толщу земли (насыпанную здесь с намерением) и нашли здесь то, что искали. Приступаем теперь к описанию, по возможности краткому, но порядку времени, древнейших памятников креста, сделанных каким бы то ни было образом и сохранившихся до нашего времени в подлинном виде или только в одних снимках, или, наконец, описанных в книгах, начиная с первого века христианского мира до XVII столетия. Мнимые старообрядцы в самых, так сказать, лицах, в самых вещах увидят крест, который все христиане с самого начала до позднейших времен изображали и чтили под именем Креста Христова. Поверят они или нет тому, что мы хотим представить здесь их взорам, – это их дело; но мы сделаем свое дело добросовестно, пред очами Всевидящего Бога, от Которого не утаится никакой обман и никакая ложь.

Для удобнейшего обозрения памятников святого креста и изображений его на протяжении семнадцати веков мы можем разделить не без основания это огромное пространство времени на четыре периода и в каждый период рассматривать эти памятники особо. Именно первую часть, или первый период времени, в судьбе Креста Христова мы ограничим первыми тремя веками, когда первоначально Крест был сокрыт от взоров человеческих в земле, а все кресты, сделанные по подражанию этому Кресту, по причине гонений, были редки в тогдашнем христианском

мире.

Вторая часть должна обнимать собою четвертый христианский век, когда слава Креста Христова просияла, как солнце, когда возник первоначальный Крест Господень, когда самое небо возвестило людям о повсюдной славе его и когда все христиане – цари и подданные, господа и рабы, старцы и дети, мужи и жены – начали делать и изображать везде кресты, так что крестами наполнилась едва не вся вселенная. Третья часть будет обнимать время с V до XI века, т. е. до того времени, когда памятники креста и изображения его можно уже встречать между нашими русскими древностями. Наконец, четвертый период продолжается от XI до XV века или почти до времени патриарха Никона, современники которого, по мнению мнимых старообрядцев, ввели двучастный крест, а крест истинный, т. е. восьмиконечный, оставили.

В первые три христианские века Святая Церковь была под тяжким гнетом гонений, укрепляясь и процветая внутренне, она в то же время была подавлена в своем внешнем виде: в богослужении и в обрядах веры. Поэтому при тесных внешних обстоятельствах не могла вполне развиваться внешняя церковная жизнь: христиане должны были совершать свое церковное богослужение или ночью, или только перед рассветом, в известных домах, иногда в подземельях. Постоянно укрываясь от преследований язычников, они, естественно, все имели только при себе, а потому, между прочим, и крест Христов – предмет христианского почитания – в своем вещественном виде не был так часто употребляем, как это было впоследствии, три века спустя. Крест Господень был в земле, – и для других крестов, как христианской святыни, также почти не было места на земле: они все еще были предметом гонений со стороны язычников вместе с последователями Распятого. Оттого все почти памятники креста и его изображения сохранились от первых трех веков только в римских подземельях, где христиане большею частью принуждены были укрываться от гонений.

Б. О крестах, сохранившихся от первых трех веков христианства

В этом отделе мы скажем 1) о кресте, который древнейшее предание приписывает св. Никодиму – тайному ученику Иисуса Христа, и 2) об изображениях креста в римских подземельях, или катакомбах.

I. О кресте, приписываемом св. Никодиму

О кресте, приписываемом св. Никодиму, передаст известие знаменитый летописец Бароний под 1099 годом, а снимок этого креста представлен в латинском сочинении Корнелия Курция, носящем название «De Clavis Dominicis». Выпишем здесь известие Барония в том виде, в каком оно находится в книге его Летописей (т. XI, стр. 757): «Перенесем речь опять на Восток, – говорит он, – чтобы рассказать о том, что случилось достопамятного после завоевания Иерусалима, и между прочим о том, как стало известным достопоклоняемое изображение крестораспятия Иисуса Христа, Искупителя нашего, Который древним живописцем представлен в царском виде (schemate regio) по подобию Его. Оно сделано (как свидетельствует древнее предание, твердо сохранившееся до потомков) по старанию Никодима, ночного ученика Христова; из Иерусалима же вынес его весьма благочестивый муж, именем Стефан, родом Луканец, который по благочестивому побуждению, вместе с другими в 1098 году предпринял путешествие в Святую землю; получил он это изображение от какого-то Григория Сириянина и принес его в Лукку (в Турции), где оно с благоговением хранится доселе; там же хранится и история всего, что было с этим изображением, написанная в древности. Почему же на кресте представлен Спаситель в царском уборе, а не нагой?.. Для упразднения соблазна креста и для показания в большем свете славы Христовой». В заключение Бароний говорит о нем: «Итак, да стоит достопоклоняемое священное изображение Христа Царя, висящего на кресте, на обличие несчастнейших иконоборцев, как всегдашний памятник только что зарождающейся Церкви, переданный потомкам». Мы можем прибавить: и на обличие наших несчастных собратий, мнимых старообрядцев, хулящих четвероконечный крест за то, что он именно четвероконечный, а не восьмиконечный.

Вот и самое изображение этого креста⁵⁸:

На этом кресте Спаситель представлен в царском уборе, в короне, порфире и обуви; порфира – анфраксовая, корона – из чистого золота, обувь – серебряная, перевязанная золотыми перевязями. Сам Он представлен совершенно живым, как будто только что еще пригвожден. В верхней части креста начертаны греческие буквы а и со, показывающие, Кто таков на самом деле Тот, Кто был распят на Кресте, подобно злодеям. Это последнее обстоятельство одно весьма много говорит в пользу самой глубокой древности этого креста. В римских катакомбах, на гробах

мучеников, весьма часто встречается имя Христа Спасителя, которое пишется слитно через две греческие буквы Х и Р с α и ω по ту и другую сторону именно в следующем виде:

Например, на кладбище св. Климента, на одном надгробном камне, под надписью, встречается следующее изображение имени Христа Спасителя:

На мраморном камне, вырытом из кладбища Прискиллы, вверху, перед надписью, в треугольнике, изображено имя Спасителя также с буквами α и ω по сторонам имени.

После подписи было изображение пальмы мученичества. Христиане первенствующей Церкви любили обозначать Божественное достоинство своего Господа первою и последнею буквами греческого алфавита, помня слова Его: «Аз есмь Альфа и Омега, начало и конец» (Откр.1:8, 21:6). Это обстоятельство, равно как и то, что Спаситель представлен на кресте в царском уборе, чего впоследствии никогда не делали, заставляют верить, что крест этот, если не принадлежит самому Никодиму, то по крайней мере есть крест, древнейший из всех.

II. О крестах, найденных в римских катакомбах

Кресты, находимые в римских подземельях, составлявших тайные убежища и вместе места вечного упокоения христиан первых трех веков во времена сильных гонений против них, встречаются на разных вещах, отрытых в этих катакомбах: на гробовых каменных плитах, на подсвечниках, коими освещались эти темные и глубокие пещеры, равно как и подземные извилистые ходы в церкви св. Сильвестра, папы Римского, построенной в подземельных термах Домициана, наконец, на саркофагах или мраморных арках, наружные стороны которых украшены скульптурными изображениями из истории Ветхого и Нового Заветов.

Скажем по порядку о всех этих вещах, имея в виду главным образом самую форму св. креста.

В начале XVII столетия, когда с жаром занимались разысканием и исследованием различных памятников древности, сокрытых в римских подземельях (соmeterium), вырыто между прочими редкостями множество надгробных камней с надписями, из коих на некоторых указывалось время, в которое пострадал известный мученик; например, совместно с изображением креста, пальмы, жаровни и т. п. символов мученичества указывалось и имя императора или консулов римских, при которых мученик пострадал.

Представим три таких камня, из них первые два в снимке. Мнимые старообрядцы должны поверить по крайней мере древнему православному подземному Риму, если они по презрению и предубеждению не верят Риму позднейшему. Хотя сочинение под названием «Подземный Рим» писано в новое время на римском языке и римским писателем, но это не должно смущать наших собратьев по вере: Арингус писал свое огромное сочинение и украсил его множеством снимков с древних памятников христианства, с тем чтобы всему свету показать драгоценнейшие сокровища первых веков христианского мира, тысячу с лишком лет⁵⁹ скрывавшиеся безвестно в подземельях Рима, и, конечно, не с тем, чтобы, например, в снимке с известного камня, бывшего на гробе мученика, можно представить четвероконечный крест и этим убедить русских мнимых старообрядцев в истинности формы четвероконечного креста: такие труды ради лжи не предпринимаются, но лишь во имя истины и для истины.

Вот один из этих камней⁶⁰:

На нем читается, как видно, имя Кассты, римской мученицы. Что Кас-

ста была мученица, это, кроме мученических актов, в которых записано ее имя, доказывает пальма, которая встречается только на гробовых камнях мучеников. Этот замечательный камень вырыт из кладбища св. Климента.

Другой надгробный камень сохранился с надписью, поверх которой, на середине продольной линии, начертан четвероконечный крест, а по бокам – с правой стороны имя Христа Спасителя, а с левой пальма доблестного мученичества. Так как латинские слова этой надписи – почти обыкновенные печатные большие буквы римского алфавита, то мы не будем озабочиваться их снимком и представим их обыкновенным шрифтом. Форма камня – четверугольная, большая.

Из надписи на камне видно, что мученик Александр пострадал при императоре Антонине, а Антонин царствовал в первой половине II века и в самом начале второй. Значит, и памятник относится к тому же времени⁶¹. Пусть же посмотрят наши заблуждающиеся братья и убедятся, что крест четвероконечный есть истинный крест Христов, а не печать антихристов.

Третий камень⁶² от гроба мученицы Мартины и сотоварищей ее мученичества – Конкордия, Епифания и др., коих тела были положены в одной арке; вместе с глиняной доской этот камень отделял тело мученицы от тел мучеников. Он не цельный, а в виде обломка, на котором, однако же, видны все слова надписи. Честное тело этой мученицы найдено при папе Урбане VIII в 1634 году под алтарем древней церкви, посвященной этой мученице. Перед надписью и после надписи, вырезанной на этом камне, начертаны два четвероконечных крестика † †. На месте, где найден этот камень, найдены также вместе и кости трех мучеников, похороненных вместе с телом добропобедной мученицы. На камне не означено времени, когда пострадали означенные мученики и мученица, но для нас довольно знать и то, что этот камень по времени относится к первым двум векам христианства.

Уже в эти века гонений мы видим ношение христианами креста на шее. Так, крест на шее носила упомянутая выше св. мученица Мартина. Крест этот найден в ее гробе, – он маленький, деревянный, искусно сделанный; в верхушке его было отверстие, как и теперь это всегда бывает на шейных крестах.

Крестик этот, сохранившийся в целости в продолжение столь многих веков, взял себе папа Урбан VIII в память о св. мученице. На каменных плитах, вдвигавшихся в четверугольные пещеровидные гробы мучеников, весьма часто можно встретить следующие начертания⁶³:

т. е. крест, пальма и имя Христа Спасителя вместе со св. крестом.

Кроме гробовых камней, на которых видно изображение св. креста,

оно встречается весьма часто и на светильниках⁶⁴, которые употребляли христиане, скрывавшиеся от гонений в подземельях. Эти кресты можно встретить здесь в двух формах: или они имеют обыкновенную форму четвероконечного креста, или с верхнего конца их идет дугообразная линия к поперечнику креста, оканчиваясь у продольной черты его, близ самого поперечника.

Скажем теперь о кресте в своде церкви св. Сильвестра, построенной в термах Траяна.

Эти термы – не что иное, как подземные галереи, идущие во внутренность земли рядом одна с другой. В одном из таких сводов упомянутых нами галерей был виден в бывшей небольшой церкви св. Сильвестра огромный крест мозаичной работы из разных цветов. В термах Траяновых, или иначе Домициановых, поселился св. Сильвестр в то время, когда продолжались еще гонения против христиан – именно при тиране Максентии, бывшем еще тогда в силе, и при Константине, еще язычнике. Здесь еще прежде него поселился священник Еквиций, муж знаменитый, друг Сильвестра, у которого в этом месте было имение. Св. Сильвестр, поселившись у него, устроил себе небольшую церковь и, отправляя в ней первосвященнические службы, преподавал приходящим христианам тайны Святой Евхаристии и утешал их в несчастиях, тяготевших тогда над ними. В этой церкви до XVIII столетия виден был мраморный алтарь, на котором св. папа приносил Бескровную Жертву, и несколько изображений святых. После того как Константин Великий принял от его руки крещение, христиане вздохнули свободнее и христианские храмы быстро стали воздвигаться. Тогда св. Сильвестр при термах Домициановых устроил более обширную церковь.

В. О крестах, какие были в IV веке

Крест Христов, зарытый в землю по снятии с него Животворящего Тела Господа, был обретен и просиял, как солнце, чрез три века после того, при благочестивом царе Константине. Он был извлечен из земли св. царицею Еленою, матерью царя Константина, на украшение и славу всей Церкви. В это же время множество крестов и их изображений сделал Константин, который теперь в кресте полагал всю свою славу и, вместе с апостолом, ничем не хвалился, как только крестом. В IV веке слава Креста Христова наполнила все христианские жилища, разные домашние и военные уборы и даже места вне жилищ, так что св. Златоуст говорил уже: «Крест находится везде в славе: на домах, на площади, в уединении, на дорогах, на горах, на холмах, на равнинах, на море, на корабельных мачтах, на островах, на ложах, на одеждах, на оружии, на пиршествах, на сосудах серебряных и золотых, на драгоценных камнях, на стенной живописи... так наперерыв все восхищают этот удивительный дар». Без сомнения, св. Златоуст говорит здесь о четвероконечном кресте, ибо другого вида креста тогда не было известно.

Здесь мы скажем только о более замечательных крестах и об их изображениях, а именно: 1) о явлении креста на небе равноапостольному Константину, 2) об обретении Креста Христова св. Еленою и 3) о крестах, сделанных по повелению Константина и водруженных в разных местах и на разных вещах: сверх того, о чеканных изображениях креста на монетах Константина, его сына Криспа и последовавших за ним императоров IV века; об условном знаке мирных епископских грамот IV века и о так называемой исторической Феодосиевой колонне с изображением четвероконечного креста на базисе ее, стоявшей в Константинополе и после взятия его турками.

I. О крестном знамени, явившемся на небе равноапостольному Константину

Об этом событии рассказывает жизнеописатель св. Константина, Евсевий, его современник и собеседник⁶⁵. Оно случилось прежде обретения первоначального Креста Христова равноапостольною Еленою, матерью Константина, что видно между прочим из того, что, по возвращении св. Елены из Иерусалима, равноапостольный сын ее соорудил уже три больших креста в память трех, последовавших одно за другим, явлений креста на небе. Вот как описывает Евсевий это чудесное явление креста на небе и форму воинского знамени, устроенного по образу этого креста: «Усердно вознося свои молитвы и прошения (к Богу о том, чтобы Он вразумил его о Себе и обратил от заблуждения к свету истины), царь получил удивительнейшее, посланное от Бога знамение, так что и поверить было бы не легко, если бы говорил кто другой. Однажды в полуденные часы дня, когда солнце начало склоняться к западу, говорил царь, я собственными очами видел составившееся из света и игравшее на солнце знамение креста, с надписью: «Сим побеждай». Это зрелище объяло ужасом как его самого, так и все войско, которое, само не зная куда, следовало за ним и продолжало созерцать явившееся чудо». Таким образом, из Евсевиева описания воинского знамени, устроенного по образу креста, виденного Константином на небе, видно, что на небе явилось знамение креста четвероконечного и что крестом Христовым христиане называли в то время именно фигуру, сложенную только из двух деревьев или линий продольной и поперечной. Эта воинская хоругвь, известная первоначально под именем лабарума, сделалась потом достоянием Церкви как знамя победы ее над диаволом, лютым врагом ее, и смертью. В настоящее время, как и во все времена после Константина, церковные хоругви с четвероконечным крестом служили и служат безмолвным наглядным памятником явления крестного знамени св. Константину на небе и устройства им воинского знамени с крестом, или лабарума. Настоящие хоругви имеют только то отличие от лабарума Константина, что на них, на самом верху, нет венца, а в нем – имени Христа Спасителя и что над поперечным реем, к которому привешивался священный плат и который с продольным древком составлял фигуру креста, у нас делается из верхушки продольного древка и маленького поперечника другой, очень небольшой крест. Но во всяком случае устройство четвероконечного креста на церковных хоругвях в

соответствии собственно кресту, который хотел видеть в них св. Константин, должно быть предпочтительно устройству восьмиконечного: на небе ясно был изображен первый вид. Восьмиконечный крест, видимый иногда на хоругвях, есть уже русское изобретение: в Греции этого не было и нет теперь.

II. Об обретении Честного Креста святою Еленою

В это же время, к довершению великих даров Своей Святой Церкви, Господь сподобил благочестивейшую мать Константина обрести в земле тот первоначальный Крест, на котором была пролита Кровь Божественного нашего Искупителя. По свидетельству Созомена⁶⁶, это случилось после Никейского Собора, восстановившего совершенную истину в Церкви Божией, История и предание сообщают нам об этом событии следующие подробности. В 326 году благочестивая императрица Елена, мать Константина Великого, отправилась в Палестину на поклонение св. местам, имея в то же время намерение отыскать, если возможно будет, тот Крест, на котором был распят Иисус Христос. Исполнению ее желания в самом начале предстояло великое затруднение: место, где сокрыто было Древо Креста Господня, для христиан этого времени оставалось неизвестным и было глубокою тайною врагов Христовых. Надобно было исторгнуть эту тайну силою царственной власти. По совету патриарха, были собраны Еленою самые старейшие по возрасту иудеи. На вопрос: где распинатели Богочеловека сокрыли Его Крест, старцы, вынужденные угрозами жестоких мучений, отвечали указанием на некоего Иуду, который, по преданию, шедшему от предков, мог определенно знать искомое место. Упорный еврей долго не хотел открыть хранимую им тайну: только шестидневный голод на дне глубокого безводного источника заставил его признаться. «На северо-восточной стороне горы, – говорил изнеможенный еврей царице и патриарху, – в том самом месте, где капище Венеры, вы найдете искомый вами Крест». Капище было срыто, – стали рыть землю и после продолжительных трудов наконец действительно обрели три креста. Оставалось узнать, какой именно из них есть Крест Господень – знак, что Крест Спасителя не отличался по своему виду от крестов разбойничьих. Титло, бывшее на Кресте Господа, лежало в особом месте⁶⁷. По вере патриарха, Господь открыл это посредством чуда. В то время как открыли три креста, несено было тело мертвеца на погребение. Тогда патриарх повелевает несущим остановиться и, в несомненной надежде, что оружие, коим Искупитель мира сокрушил ад и смерть, расторгнет и теперь узы смерти, полагает на бездыханное тело все кресты один после другого. Два первые креста не восставили мертвеца от гроба; от прикосновения же третьего мертвец вдруг ожил, и тогда все признали в этом кресте Животворящий Крест Господень. Св. Елена первая в благоговейном чувстве поверглась пред Честным Древом и облобызала

его; ее примеру последовали сопровождавшие ее вельможи. Слава о чудесах, совершившихся силою Креста Христова, быстро разнеслась по всему городу и привлекла на Голгофу столь великое множество народа, что теснота не позволяла всем приблизиться и облобызать достопоклоняемое Древо, и многие стали просить патриарха, чтобы оно было показано им хоть издали. Макарий, ставши на возвышенном месте и воздвигая Честной Крест, показывал его отдаленному народу, а народ, объятый священным восторгом и трепетом, взывал: Господи, помилуй! Отсюда получил в Церкви начало праздник Воздвижения Святого Животворящего Креста, основание которому положено со времени самого его обретения, т. е. с 326 года. История обретения Святого Креста, равно как и учреждение по случаю этого священного празднества с известными, до сих пор соблюдаемыми обрядами, служат для всякого самым сильным подтверждением того, что вид Честного Креста был именно четвероконечный. Священник или архиерей, по уставу, на Воздвижение Святого Креста, делает четыре обращения, держа на челе крест: сначала на восток, потом на запад, затем на юг и, наконец, на север. Когда поют первые сто раз «Господи, помилуй», тогда священник или епископ знаменует народ крестом трижды крестообразно, т. е. по образу креста четвероконечного. То же бывает, когда поют и следующие сотни.

III. О крестах, сделанных по повелению святого Константина и водруженных в разных местах, также о чеканных изображениях креста на монетах Константина и следующих за ним государей IV века, об условном знаке мирных епископских грамот IV века и о крещатых одеждах святых Григория Богослова и Епифания Кипрского

а) О трех крестах, водруженных св. Константином в память трех крестов, виденных им в разное время на небе, и о происхождении креста с надписью: ИС.ХС Ника.

По возвращении равноапостольной Елены из Иерусалима, говорит Никифор⁶⁸, по повелению Константина скованы были из меди три очень большие креста, из которых на каждом он начертал отдельно следующие слова: на одном кресте – Ιησοῦς, на другом – Χριστός, на третьем – Νικά. Крест с именем «Иисус» был весь вызолочен и поставлен на триумфальных воротах – на площади; другой, имевший на себе имя «Христос», император, по словам Никифора, поставил на римской пурпуровой колонне, на месте, называемом φιλαδέλφιον, т. е. братская любовь. Третий же, с надписью Νικά, который Константин назвал Νίκος, т. е. победою, а Ираклий – ἀνίκητος, т. е. непобедим, поставил на высоком мраморном столбе, на месте, которое носило имя ἀρτοπώλιον, т. е. хлебная площадь. Здесь скрывается начало употребляемого до сих пор в греческой и нашей Церквах почти исключительно для печатания просфор четвероконечного креста с надписью: ИС. ХС. Ника.

Неизвестно, с какого именно времени перенесены эти три надписи с трех отдельных крестов на один крест и начали употреблять его к печатанию просфор. На константинопольской колонне, которая существовала еще и после взятия Константинополя турками и которую приписывали императору Феodosию, на базисе уже виден один четвероконечный крест с указанною надписью. В X веке такой крест был уже изображен и на монетах, как это увидим ниже. Во всяком случае наши мнимые старообрядцы не могут не сознаться, что три креста, водруженные св. Константином в трех разных местах столицы, были четвероконечные, потому что они сделаны были по подобию и в память виденных на небе; а на небе не являлось знамения креста восьмиконечного.

б) Скажем теперь о других крестах, водруженных Константином и

имевших также четвероконечный вид.

Кедрин говорит⁶⁹, что на военной площади (εν τῷ στρατειῳ), сверх других статуй, был представлен Константин Великий в виде всадника с крестом. По свидетельству того же Кедрина, Константин повелел поставить еще крест на главной площади, между статуями Минервы, Линдии и Амфитриды, а в Риме повелел поставить свою статую также с крестом в руке, о чем свидетельствуют Геласий и Евсевий⁷⁰.

В книге «О начале Константинополя» говорится между прочим: на своде камеры форума поставлены две статуи – Елены и Константина, а в середине (между ними) крест, над которым надпись: Εἰς ἁγίου, εἰς Κύριος, Ἰησοῦς Χριστός, εἰς, δόξαν Θεοῦ Πατρός, ἀμήν⁷¹.

Там же говорится, что на северной стороне форума стоял крест, подобный виденному самим Константином Великим на солнце, на оконечностях которого видны круглые яблоки, а на них представлены дети его, убранные в золотые уборы. Опять никто не может противоречить тому, что все эти кресты были четвероконечные: Константин Великий не знал другого креста, кроме показанного ему на небе. Кресты с яблоками на оконечностях перешли и к нам и доселе очень часто видны, особенно в церкви, – и эти кресты не восьмиконечные, а четвероконечные, как и у греков.

в) Об изображении победы (Виктории) с крестом⁷².

На монетах римских императоров с самых древних времен – до Константина, равно как и при нем, весьма часто изображалась, между прочим, Виктория в образе крылатой человеческой фигуры. Ее представляли большею частью с лавровым венком в руке, который она или подает изображаемому подле нее императору, или возлагает на его голову, или просто держит его в своей руке, когда изображается одна. Это, очевидно, обычай языческий, который свидетельствовал о вере римских императоров и римского народа в богиню войны. Константин Великий первый дал этой мнимой богине в руки крест, и ее с этого времени последующие римские императоры начали изображать чаще и уже не с лавровым венком, а с истинным знаменем победы. Но Константин презирал самую богиню этого имени. На монетах последующих римских императоров, самых многочисленных и разнообразных, видна часто крылатая Виктория с крестом. Крест этот в руках победы, как видно из снимков монет, четвероконечный, – он состоит из длинной трости и небольшого поперечника. Константин первый ввел⁷³ в обычай на монетах чеканить изображение креста и просто без победы.

г) О начале креста четвероконечного на державе, или императорском

шаре, и диадеме.

Шар или мяч есть древнейший знак на державе императоров. Исидор⁷⁴ начало и употребление его возводит ко времени Августа, который, как говорят, повелел означать на знаменах мяч для показания того, что ему подчинены народы на всем земном шаре. А мячи изображали фигуру шара. Серебряная монета императора Антонина (II век) имеет изображение шара с надписью: Rector orbis⁷⁵.

Этому-то шару император Константин придал крест, о чем кроме других свидетельствует Никифор, говоря, что Константин наверху яблока или шара, который был в руках его статуи, водрузил крест. Примеру Константина в этом отношении следовали и другие христианские государи в Греции и России до наших дней, как будем иметь случай видеть это ниже.

Мы до сих пор видим на царских венцах или коронах четыре крестика известной формы. Этот обычай водружать крест на короне также возводится ко времени Константина Великого. Прежде всего, по крайней мере, несомненно то, что он носит изображение креста на своем шлеме⁷⁶.

Липсий говорит, что Константин же первый водрузил крест и на диадеме, или царском венце. Но с несомненностью известно, что крест употреблялся на диадеме и после него, в продолжение всего IV века, причем чаще всего делался обыкновенно из драгоценных камней. Блаж. Иероним⁷⁷, живший в это время, так выражается об этом обычае: «Горящие драгоценные камни диадем украшает изображение креста Спасителя». Таким образом, четвероконечные крестики, видимые на державах и коронах, по своему происхождению весьма древние и непререкаемо свидетельствуют о том, что самые древнейшие христиане чтили не иной крест, как четвероконечный.

д) О лабаруме на сохранившейся монете императора Криспа (ум. в 326 году).

Лабарумы (впоследствии хоругви) эти делались не всегда одинаково: иногда на самом верху лабарума изображалось имя Господа первыми буквами имени Христа, иногда оно опускалось, а иногда выше плата или знамени выдавался крест; этого последнего вида и есть лабарум императора Криспа. Этот лабарум уже весьма похож на наши нынешние хоругви, потому что вверху его виден уже крест, но крест этот не восьмиконечный, а четвероконечный, как и на наших хоругвях.

е) О явлении креста на небе при императоре Констанции.

В Иерусалиме в царствование Констанция и в епископство св. Кирилла Иерусалимского явилось на небе изображение креста из света. Об

этом явлении свидетельствуют: св. Кирилл Иерусалимский – очевидец. Созомен, Сократ, Геласий Кнзический, Феофан Глика, Кедрин, Метафраст, Никифор, Александр Монах и др.⁷⁸ Описывая образ, место, время и продолжительность этого явления, св. Кирилл указывает, что крест в нем имел форму креста четвероконечного.

ж) Об изображении креста на сохранившейся монете императора Константина Младшего.

Эта монета представляет двух воинов, держащих копье и воинское знамя; между ними в середине изображен крест, а под чертою внизу слова: AQS. У самой окружности монеты от ног первой фигуры до ног другой идет надпись: gloria exercitus. Крест, изображенный на монете, – четвероконечный.

з) Об изображении креста на монете императора Иовиниана.

Монета представляет с одной своей стороны императора Иовиниана в диадеме, или головной повязке, унизанной двумя рядами жемчужин, а с другой – возвращение Августа, который сидит на коне, протянув руку вперед; пред ним воин с лабарумом, а позади – Виктория, подающая лавровый венок. Внизу монеты надпись. Лабарум представляет собою также крест четвероконечный.

и) Об изображении креста на двух монетах императора Валентиниана.

Одна монета представляет идущую крылатую Победу, которая в правой руке держит широкий длинный четвероконечный крест; внизу ее находится подпись: CONOB. Другая монета представляет императора, одетого в военный плащ и в стоячем положении; в правой руке он держит лабарум, а в левой – шар, на котором стоит Победа с лавровым венком. На правом боку монеты крестик. Внизу под чертою: ANTT.

к) Об изображении креста на монете императора Феодосия Великого.

Монета эта имеет кругом надпись: Salus Reipublicae; на ней изображена Победа идущую; в правой руке она держит трофей, а левою влечет за волосы пленника; с левой стороны крестик; внизу подпись: ANTB. Эта монета по окружности имеет надпись: Gloria Romanorum.

На ней представлен император в шлеме, стоящим на судне, которым управляет Победа. Вверху монеты, у самого лица императора пред буквою M (anorum) изображен крест. Внизу подпись: ANIB.

Достопримечательна для нас особенно монета императора Аркадия, потому что изображения креста на этой монете, по свидетельству Проспера, сделаны по подобию чудесного изображения креста, явившегося на одеждах воинов во время сражения греков и римлян с персами. Но

кресты на монете императора Аркадия (сконч. в самом начале V века), как и на монетах других императоров, – тоже четвероконечные.

л) Об условном знаке мирных епископских грамот, сохранившемся в снимке до нашего времени от IV века.

Нищим в IV веке были даваемы епископами так называемые малые мирные грамоты с следующим круглым знаком, в котором видны между прочим два изображения четвероконечных крестов.

Эти знаки Созомен называет условными знаками епископских грамот – συνθήματα ἐπισκοπικῶν γραμμάτων, а св. Григорий Богослов в слове на Юлиана (κατὰ Ιουλιανόν – Επιστολιμαία συνθήματα – условными знаками, находящимися в письмах. Мирными назывались они потому, как сказано в толковании на 11-е правило IV Халкидонского Собора, что избавляли нищих от гнева и несправедливого подозрения (ἀπό τῆς ὀργῆς καί ἀδικῶν) со стороны начальников (ἀρχόντων) и владельцев (δυναμῶν).

Кто упоминаемый в этом знаке папа Григорий – святой ли Григорий Богослов или Григорий Нисский? Оба они и жили и умерли почти в одно и то же время. (Григорий Богослов † около 390 года, а Григорий Нисский между 390 годом и первыми годами V века). Судя по тому, что упоминаемый здесь Григорий называется папою, можно думать, что это св. Григорий Богослов, так как в это время имя пап усвоялось епископам важнейших городов. Во всяком случае несомненно, что знак этот очень древний – именно IV века и принадлежит одному из святителей греческих этого времени. А для нас этого и довольно, так как мы имеем в этом знаке ясное свидетельство от IV века о четвероконечной форме креста Христова.

м) О крещатых домашних одеждах св. Григория Богослова и о церковной фелони Епифания Кипрского.

Что даже домашние одежды св. Григория были украшены крестами (конечно, такими, какие теперь видны на священнических одеждах, т. е. четвероконечными), можно справедливо заключить из следующих его слов к диаволу: «Прочь, чтобы я не поразил тебя крестом, пред которым все трепещет; крест я ношу на членах моих, крест на стопе, крест на груди, словом, в кресте заключается вся моя слава».

До настоящего времени сохранилась в снимке фелонь св. Епифания Кипрского. Фелонь эта вся убрана четвероконечными крестами. Такие фелони в древности обыкновенно назывались πολυστάυριον – многокрестие. Они перешли и к нам. Крещатые ризы до сих пор часто дарят наши Государи новопоставленным епископам.

В это же время видим храмы, построенные по образу четвероконечного креста. Таков храм свв. Апостолов в Константинополе.

н) О четвероконечном кресте с надписью: ИС ХС НИКА.

На так называемой исторической колонне, стоявшей в Константинополе еще и после взятия его турками и называвшейся, по преданию, Феодосиевою колонною, рельефно изображен триумф императора, или торжественный въезд его в город; на базисе, имеющем форму куба, представлен император сидящим на троне, а пред ним стоят в головных уборах несколько римлян, олицетворяющих собою разные провинции государства. Над головою императора, на щите, – изображение четвероконечного креста с надписью: ИС ХС НИКА, который держат с двух сторон два ангела, парящие в воздухе.

Изображение упомянутой колонны доставил автору Византийской истории французский ученый Клавдий Молинет, регулярный каноник монастыря св. Женевьевы в Париже, из библиотеки того же монастыря.

Таким образом, изображение креста с надписью: ИС ХС НИКА, делаемое на просфорах, по своему происхождению весьма древне: получив начало от Константина Великого, по крайней мере по своей надписи, оно было уже употребляемо при Феодосии Великом и, как увидим ниже, при следующих за ним императорах.

Г. О крестах и разнообразных изображениях креста в V, VI, VII, VIII, IX и X веках

Никифор передает о Феодосии Младшем (род. 401 год, †450 год) между прочим следующее: «Он (Феодосии) писал собственноручно весьма красиво, и много написанного им сохранилось до настоящего времени, восторжествовав над ним (временем), – я понимаю Евангелия и др., написанные всецело золотыми буквами и представляющие своими страницами вид креста»⁷⁹. Всякий согласится, что эти страницы представляли из себя вид креста четвероконечного.

Об изображении креста на монетах императора Льва Великого (вступил на престол 7 февраля 457 года) и в письменных деловых документах при том же императоре

От императора Льва Великого осталось и сохранилось до позднейших времен много монет; между ними много таких, у которых на одной стороне изображен четвероконечный крест в дубовом или лавровом венке, или победа с длинным, тоже четвероконечным крестом, или два воина, держащих двумя соединенными левыми руками державу с таким же, т. е. четвероконечным крестом, или, наконец, сам император с крестом в руке, опущенным на плечо, подобно скипетру. Крест на скипетрах (или сами скипетры), по всей вероятности, ведет свое начало с этих древнейших времен христианства. Мысль эта тем более вероятна, что у греческих государей позднейшего времени ручной крест действительно имеет форму настоящего скипетра.

От императора Зенона (вступил на престол в 474 году) осталось также довольно монет с изображением крестов, которые все четвероконечные, или в лавровом венке, или простые, длинные.

Вот крестик первого рода:

Другого рода:

Об изображении креста в лагерях, устраивавшихся в военное время, сам император Лев говорит вот что: «В середине шатров устроена площадка, пресеченная наподобие креста».

От императора Анастасия (коронован в 491 году) также остались монеты с изображением четвероконечных крестов. Особенность в обстановке изображения креста на этих монетах в том, сравнительно с другими, что крест виден на многих местах начертанным в середине буквы М, перед которой и после которой изображены звездочки:

или перед буквою К, причем по ту и другую сторону креста стоят буквы N и Ī

Об изображениях креста на монетах императоров Юстина Фракиянина и Юстиниана

Все сохранившиеся от этих двух императоров монеты – с изображением четвероконечных крестов. Они видны или над буквою М и вместе по сторонам ее, или на державе, в правой руке императора, или на букве П, или на самой верхней из четырех пропорционально уменьшающихся ступеней, или над буквою К, или же перед самою буквою, или в полукруге, заключенном в круге:

или на голове и вместе на персях, или на шаре между двумя буквами, как, например:

или между I и B, над цифрами, например, над XX. Нет ни одной монеты без креста и даже без двух, трех вместе, и все кресты до одного – четвероконечные.

О четвероконечном кресте на державе в руках литой статуи Юстиниана, поставленной на колонне

Свида говорит об этой колонне и ее принадлежностях следующее: «Юстиниан поставил свое изображение на колонне, статуя эта держит в левой руке шар с водруженным на нем крестом, означающим, что верую в крест он сделался владыкою земли. Ибо шар означает землю по причине круглой се формы, а крест – веру, по причине пригвожденного на нем плотию Бога»⁸⁰. В сказании Свида о кресте на державе статуи Юстиниана, как мы видим, не сказано, какой именно формы был на ней крест, но, с одной стороны, всеобщность обычая этих времен изображать крест везде только четвероконечный и многочисленные изображения этого именно креста на монетах этого императора, с другой – ясное указание другого, позднейшего писателя-очевидца заставляют с несомненностью принять этот крест за четвероконечный. Когда эта статуя, растрескавшаяся от времени, была поновлена, на колоннுவсходил Никифор Грегорас и, измеривши величину статуи с ее принадлежностями, описал между прочим и величину креста следующими словами: «Длина креста, утвержденного на шаре, равна четырем пяденям, а ширина – трем... толщина равна пяти пяденям». Ясно, что Никифор Грегорас описывает здесь крест четвероконечный.

Сам император передает рассказ о случае свидетельства (через начертание четвероконечного креста), бывшем в его время в Вифинии: «Когда одна свидетельница, не успевши закончить свидетельства, испустила душу, некоторые другие свидетели, взявши руку умершей и проведши ею линии вдоль и поперек, сделали (этим) то, что умершая как бы сама начертала знак достопоклоняемого креста»⁸¹.

Об изображениях креста на монетах императора Тиверия

На монетах этого императора (коронован в 578 году) встречаются кресты над обыкновенным начертанием буквы М, и чаще над таким:

под цифрами ХХХ, ХХ, между двумя Х (именно: Х†Х), также на верхней из четырех ступеней. Кресты также все четвероконечные.

У императора Маврикия (вступил на престол в 582 году) почти все монеты также с четвероконечными крестами, видимыми на диадеме, на державе, над буквами: М, К, I, поверх шара и просто вверху монеты.

Изображения креста на монетах императора Фоки (коронован в 602 году) видны в различных положениях, над цифрой Х, между буквами наверху и под низом числа, над числами ХХ.

От императора Ираклия (вступил на престол в 610 году) дошла между прочим большая монета (медная), изображающая его триумф, на одной ее стороне он представлен в диадеме с четвероконечным крестом из драгоценных камней поверх ее и в порфире с обращенными несколько кверху глазами, – в молитвенном положении, с надписью по окружности: † ΠΡΑΚΛΕΙΟΣ † ΕΝ † ΧΨ † ΤΨΘΨ † ΠΙΣΤΟΣ †; от лучей до низу: ΒΑΣΙ † ΚΑΙ † ΑΓΤΟ † ΡΨ † ΝΙΚΙΤΗΣ † ΚΑΙ † ΛΟΓΟΘΗΣ † ΑΕΙ † ΑΓΙΟΓΓΣΤΟΣ †; а против уст и пониже в двух строчках: *illumina † vultum † tuum † Deus*, а сзади ΑΠΟΛΙΝΙΣ, на серпе же: *super tenebras nostras militabor in gentibus*. На другой стороне император изображен в торжественном поезде на колеснице с крестом в левой руке такой формы:

У входа в великолепное крытое помещение, поверх колесницы в четыре ряда с небольшим идет подпись:

ΔΟΞΑ † ΕΝ † ΓΨΙΣΙΣ † ΧΨ † ΙΟ

ΟΨ † ΟΤΙ † ΔΙΕΡΡΙ † ΣΙΔΙ

ΡΑΣ † ΓΗΛΑΣ † ΚΑΙ † ΕΛΕΓΟΣ

ΡΨΣΕ † ΑΓΙΑΝ † ΒΑΣΙ † ΗΡ

ΑΚΛΕ

Поверх этой подписи видно изображение шеста, на котором повешены четыре чашечки, в которых, кажется, виден огонь; а кругом, начиная от верха колесницы (с левой руки) и до колес ее (колесница представлена в левом боку монеты, ее везут три коня), надпись: † *super † aspidem † et † basiliscum † ambulavit † et † conculcavit † leonem † et † draconem †*. И здесь император также представлен в короне, над которой четвероконечный крест, и в порфире.

На всех прочих монетах этого императора и его детей – кресты четвероконечные; иногда, впрочем, попадаетесь такая форма:

Об изображениях креста на монетах императора Льва Исаврянина (коронован 25 марта 717 года, †741 год)

На монетах этого императора в первый раз крест встречается с двумя поперечниками. Например, одна монета представляет изображение двух императоров и имеет надпись: DN LEO et Constantinus PP Aug. Оба изображения императора держатся за продольное древо креста. Но прибавление этого другого поперечника к изображению креста, держимого двумя императорами, объясняется очень просто: такое изображение служит вместо двух крестов и называется в книге, из которой мы заимствуем эти сведения, двойным крестом. Потому-то такое изображение креста и встречается только на тех монетах, на которых представлены две державных особы.

Об изображениях креста на монетах императоров Никифора Августа, Михаила Рангаби, Михаила Бальбы и Василия Македонянина

Никифор восхитил императорское достоинство 30 октября 802 года, а умер 25 июня 811 года.

На изображениях двух сохранившихся от него монет кресты – вида четвероконечного.

Михаил Рангаби провозглашен императором в октябре 811 года; 22 июня 813 года он удалился в монастырь и постригся в монахи. На его державе, которую держит в руке представленное на монете изображение его, крест четвероконечный.

Михаил Бальба сделался императором по убиении императора Льва Армянина, в 813 году, и умер в октябре 829 года. На диадемах и под буквою М, встречающейся несколько раз на монетах, сохранившихся от этого императора, – кресты четвероконечные. На одной державе встречается и шестиконечный крест; в руках также видны на трех кружках кресты шестиконечные опять по той же причине, как и на монетах Льва Исаврянина.

Василий Македонянин провозглашен императором и коронован 26 мая 866 года, умер 1 марта 886 года. На снимках с его монет – кресты все четвероконечные. На одной из них, например, представлен император Василий с окладистой бородою, в шапочке с крестом; в правой руке он держит книгу, а в левой – державу с крестом; кругом монеты надпись: DN Basilius PF PERPETUUS. Длинные четвероконечные кресты видны в руках у двух императоров; виден здесь в трех монетах и шестиконечный, или двойной, крест; на одной из них держат двойной крест Константин Порфирородный и мать его императрица Зоя; это на одной стороне монеты, а на другой – надпись, перед которою стоит четвероконечный крестик.

Об изображениях креста на монетах императора Иоанна Цимисхия

Иоанн Цимисхий вступил на престол в 969 году, а умер 4 декабря 975 года.

На 7-й фигуре, изображающей одну сторону монеты этого императора, представлен шестиконечный крест такого вида:

На 10-й фигуре, на одной стороне монеты, представлен четвероконечный крест с надписью: IC XC NIKA; на другой стороне той же монеты – Иисус Христос в венце, в котором виден четвероконечный крест; кругом надпись: ΕΜΜΑΝΟΥΗΛ. 16-я фигура представляет также изображение четвероконечного креста с надписью: IC XC NIKA.

Таким образом, почти все исчисленные нами до сих пор кресты и их изображения суть четвероконечные и только весьма немногие – шестиконечные. От первого христианского века мы видели крест св. Никодима, как древнейший памятник св. креста, – этот крест четвероконечный. Пересматривали потом изображения креста в римских подземельях – на гробах мучеников, на светильниках, на стенах, в подземной церкви св. Сильвестра, папы Римского, – и везде видели кресты только четвероконечные; затем видели Евсевиево описание чудесного изображения на небе креста, явившегося Константину Великому, воинского знамени, устроенного по образцу этого небесного знамения, видели обстоятельства обретения св. Еленою Первоживотворящего Креста, различные кресты, сделанные Константином Великим и водруженные в разных местах, а также изображения креста на монетах греческих императоров IV века не из фамилии Константина, рисунок условного знака епископских мирных грамот IV века, читали о крещатых одеждах Григория Богослова, видели там же одежды св. Елифания Кипрского, узнали о строении в древности храмов по образу креста четвероконечного, видели изображение креста с надписью: IC XC NIKA на Феодосиевой колонне, – и все упомянутые кресты и изображения креста имели не иную форму, как только четвероконечную. Далее видели изображения креста на монетах Константина и детей его; читали сказания о явлении креста на небе при сыне Константина Констанции; видели далее изображения креста на монетах других греческих государей до Иоанна Цимисхия включительно и везде видели почти только четвероконечные кресты; если же встречали кресты и другой формы, например, шестиконечные, то эти изображения креста отнюдь не означают того, что Крест Христов имел

такую именно форму, а означают именно двойной крест, т. е. если рассечь прямую линию, на которой расположены эти два поперечника, несколько повыше нижнего поперечника, тогда выйдет два четвероконечных креста. Потому-то такие кресты и встречаются на таких монетах, где изображены два царственных лица. Следовательно, вся греко-римская древность этого рода говорит в пользу нашего, православного обычая, и мнимые старообрядцы, имея толик облежаш их облак безмолвных свидетелей древности, должны, гордость всяку отложше, смиренно покориться очевидной истине. Считаю излишним приводить другие греческие памятники креста или изображения его, – слишком много и тех, которые мы привели доселе, – и так как с XI века мы можем представить уже свои собственно русские памятники этого рода, то и обращаемся теперь к памятникам креста из отечественной старины.

Д. О крестах и изображениях креста от XI до XVIII века включительно, сохранившихся в памятниках русской старины

Так как древнейшие русские памятники креста и его изображений мы заимствовали из разнообразных источников: из книг как новоизданных, так и старопечатных и старописных, из которых последние принадлежат либо нам, православным, либо мнимым старообрядцам, то для большего удобства при описании этих памятников мы разделим самые источники на классы и потом в порядке этих классов станем описывать самые памятники креста и его изображений, придерживаясь по возможности хронологической последовательности. Мы делим свои источники на три класса: к первому мы относим новоизданные книги, ко второму – древнейшие старописные и древние старопечатные до патриарха Никона книги, и к третьему, наконец, рукописные книги самих раскольников.

Итак, мы скажем сначала I) о древнейших памятниках креста киевской, московской, ростовской и общерусской государственной старины; II) потом об изображениях креста и его памятниках в древнейших старописных и древних старопечатных до Никона патриарха книгах, и наконец III) об указаниях самих раскольников в их рукописных сочинениях на кресты четвероконечные как на истинные.

О древнерусских памятниках креста и изображений его, заимствованных из новоизданных книг

К этим книгам мы относим: 1) «Описание киевских древностей», изд. Фундуклеем; 2) «Памятники московских древностей» и 3) «Собрание государственных грамот и договоров», «Чтения в Императорском Московском обществе Истории и Древностей Российских» и «Христианское чтение» за 1854 год.

I. О памятниках креста и изображениях его, заимствованных из киевской старины

Здесь памятники эти описаны не в порядке: автор описывал вообще древности Киева; мы постараемся, однако, при описании их по возможности удержать порядок времени и сделать нужные дополнения, именно скажем: 1) об изображениях креста на двух древнейших гробницах – Ярославовой и неизвестного; 2) о мозаических изображениях креста на мозаической стенной живописи Киево-Софийского собора и на фресках, открытых в том же соборе; 3) о кресте с Распятием, найденном в развалинах Десятинной церкви; 4) о кресте преподобного Марка Пещерника; 5) о шести крестиках, хранящихся в музее древностей при университете св. Владимира; 6) о кресте св. Макария, митрополита Киевского, память которого празднуем 1 мая; 7) о двух крестах Богоявленской церкви Братского монастыря, относящихся по времени к XVII веку; 8) о кресте Петра Могилы на Берестове в церкви Преображения и 9) о кресте Петра Могилы в Выдубицком монастыре.

1. На мраморной гробнице Ярослава, находящейся в Киево-Софийском соборе, в алтарном приделе св. Владимира, на плитах белого мрамора, из которых устроена гробница, видны между прочим выпуклые изваяния крестов на верхней доске, заключенные в пяти четырехугольниках. В трех средних четырехугольниках, между крестами, – греческая надпись: IC XC NIKA. Все кресты, которых видно здесь девять, четвероконечные. В 1824 году, когда Киевский митрополит Евгений подверг исследованию древний фундамент Десятинной церкви, в развалинах ее были найдены между прочим две ценные шиферные гробницы, находившиеся внутри церкви; на плитах одной из них нарезаны изображения крестов и деревьев, похожих на те, какие находятся на гробнице Ярослава. Кресты эти также четвероконечные.

2. В алтаре древнейшего Киево-Софийского собора, над горним местом, изображена мозаикою священная трапеза, под белою сенью, утвержденная на трех столбах и покрытая багряным покровом, испещренным золотыми цветами. На этой трапезе, посредине, сделано изображение золотого четвероконечного креста. Пред греческими словами поверх глав апостолов, подходящих к Спасителю, стоящему у правой стороны трапезы для принятия преподаваемого хлеба, изображен тоже четвероконечный крестик. Это в средней мозаической полосе, или в среднем ряду изображений. В нижнем ряду, под мозаическими же

изображениями святителей III и IV веков – св. Климента, папы Римского, Григория Чудотворца, св. Епифания, св. Николая Чудотворца, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого – в четверугольниках изображены четвероконечные крестики.

В том же Киево-Софийском соборе внизу, из-за известковой побелки на стенах храма и четверугольных колоннах открыты в 1843 году академиком Солнцевым фрески, – именно лики святителей, мучеников и мучениц. На омофорах святителей, представленных в полуисполинском виде, с непокровленной главою, в фелонях, изображены кресты четвероконечные. У мучеников и мучениц, представленных в хитонах, в правой руке также изображены четвероконечные кресты. Но здесь же, выше, над полукружием свода, образуемого колоннами, в круге, видны и изображения двух шестиконечных крестов.

3. В развалинах Десятинной церкви в недавнее время также найден четвероконечный крест с Распятием.

4. В Печерской Лавре находится древнейший крест преп. Марка Печерского, подвизавшегося в этой обители в исходе XI века и почившего нетленно в Ближней пещере. Крест доселе хранится в этой пещере. Из него пил сам преподобный, а теперь богомольцам подается в нем святая вода. Он – четвероконечный.

5. В музее древностей при университете св. Владимира в Киеве хранится шесть весьма древних крестов: один из них небольшой золотой; три – гораздо больше, из коринфской меди. Все они найдены на старом Киеве, в развалинах Феодосиевской церкви; медный крест, найденный близ Михайловского монастыря, и, наконец, серебряный с эмалью – на берегу реки Днепра. Все они четвероконечные.

6. В Софийской церкви доньше сохранился кипарисный крест в серебряной оправе, принадлежавший св. Макарию, который был поставлен в Киевские митрополиты в 1495 году. Память о нем совершается 1 мая⁸². В этом кресте находятся резные изображения, разделенные на четыре яруса: в первом ярусе представлено Преображение Господне, во втором – Распятие, в третьем – снятие Господа со Креста и, наконец, в четвертом – Воскресение Христово. Как весь вообще крест, так и два вырезанных в нем изображения креста имеют четвероконечную форму.

7. В Богоявленской церкви Братского монастыря хранятся два древних замечательных по виду креста, из которых один пожертвован в собор митрополитом Феофаном в 1620 году, а другой, серебряный, – гетманом Сагайдачным в 1622 году. Первый крест – шестиконечный, с загнувшимися на конце пред рукой ушками; верхняя поперечная дощечка

его длиннее нижней, а не наоборот, как это обыкновенно делается теперь и как бы следовало; в самом кресте находится много изображений, разделенных на шесть ярусов. Во втором ярусе, считая сверху, представлено Распятие Господне. Крест, на котором оно изображено, – без верхней дщицы и подножия и четвероконечный. Другой крест, подаренный Братскому монастырю Сагайдачным, – семиконечный, с косым подножием и двумя верхними дщицами, но самая верхняя дщица совершенно закрывает верхний конец прямого древа креста, представляя вместе с ним подобие буквы Т.

8. В храме Преображения на Берестове хранится крест, пожертвованный митрополитом Петром Могилою в 1640 году. Этот крест – серебряный, восьмиконечный.

9. Выдубицкий монастырь хранит большой ручной серебряный крест, подаренный в 1642 году (27 мая) Киевским митрополитом Петром Могилою.

Этот крест – четвероконечный, с тремя полукружиями на каждом из трех концов. Внутри креста изображено Распятие на кресте с косым подножием и с титлою (INЦI), написанною на хартии, загнувшейся по концам подобно свитку. В самом верху креста представлено Воскресение Господа нашего Иисуса Христа. Воскресший Спаситель держит в руке четвероконечный крест удлиненной формы.

Таким образом, из обозрения этих памятников видно, что в древнейшие времена в Русской Церкви употреблялся и был почитаем большею частию четвероконечный крест и только изредка шестиконечный, а во времена, ближайšie к нашему времени, – и четвероконечный, и шестиконечный, и восьмиконечный, но нельзя не заметить, что в гораздо большем употреблении были четвероконечные кресты.

II. О древних памятниках креста и изображении его, заимствованных из московских древностей

Эти памятники, представленные в московских древностях в своем порядке, мы опишем так же, как и прежние, в порядке времени, с нужными для нашей цели собственными сокращениями и пополнениями. Здесь скажем 1) о корсунских крестах в Успенском соборе и 2) об изображениях креста: а) на окладе Евангелия XII века, б) на Антониевых сосудах, в) на древнейшем кожаном параманде и таком же поясе, найденных в 1836 году у Спаса на Бору, г) о жемчужных изображениях креста на трех древних воздухах и аналойной пелене в Успенском соборе.

1. В Успенском соборе, в алтаре, за престолом, между корсунскими иконами Всемилоственного Спаса и Божией Матери, стоят два корсунских креста, из которых один окован серебром и имеет в себе пять финифтяных изображений. Кресты эти четвероконечные. Патриарх Иоаким, говоря в своем «Увете» об этом кресте, обращается к мнимым старообрядцам с следующими словами: «Виждьте, о погибающие людие, поне сей крест святой, преддрагоценный окладом, неоцененный же образом, древностию же пречестный, именуемый корсунский, иже в соборном храме, в Матери всех церквей, алтарь Господень яко солнце просвещает, и во всяких ходах от всего народа боголепно почитаем бывает».

2. а) В памятниках московских древностей между прочими рисунками представлен точный рисунок оклада Евангелия XII века. В самом верху этого оклада, посредине, изображен шестиконечный крестик с тростию и копием такого вида:

Но тут же, по краям, изображения святых написаны с находящимися в их руках четвероконечными крестами, такого вида:

б) Об изображении креста на Антониевых сосудах. Один из этих сосудов устроен из яшмы и усеян золотыми репейками и листочками, в кои вставлены яхонты и изумруды. В одном из двух, находящихся по сторонам чаши, золотых клейм изображен мозаикой четвероконечный крест с копием, тростию и обыкновенными словосокращениями: IC XC NIKA. На ободке чаши пред и после золотой надписи – $\rho\iota\epsilon\tau\epsilon\ \epsilon\acute{\xi}\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \rho\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\varsigma$ – стоят также два четвероконечных крестика. На блюде из прозеленной яшмы, оправленном в золото, в середине его по четырем сторонам мусийного изображения Агнца, изображены четыре четвероконечных креста.

На другом сосуде, состоящем из верхней чаши ониксовой, с четырьмя

золотыми переймами, и из серебряной втулки и поддона на ободке, после надписи: «пійте от нея вси: сия есть кровь моя новаго завета, изливаема за вы и за многы» стоит четвероконечный крестик. Оба эти сосуда с прибором принадлежали св. Антонию Римлянину, игумену древнейшего Новгородского монастыря. По сказанию Пролога, Антоний, положив их в бочку, бросил в море (в Риме), и они приплыли в Волхов, где вытащили их сетью рыбаки близ места, где стоит ныне монастырь этого святого. Из Новгорода взял эти древние сосуда в Москву царь Иоанн Васильевич.

в) К древнейшим и драгоценным памятникам ризницы у Спаса на Бору, в Москве, принадлежат две хранящиеся в ней древности, открытые в 1836 году в церковной трапезе под лещадными полами, в каменной гробнице с останками тела, облаченного в шелковую малоповрежденную одежду, именно: кожаный параманд и такой же пояс с вытиснутыми на них изображениями Господских праздников и с надписями XIV или начала XV века: Благовещенье, Преображение Хво, Рожество Хво, Встретнье Хво, Распятье Хво, Вскресенье, Крещенье Хсво, Вознесенье Гсне, Вскресенье Лзво, Шствие Дха стго, Вхд в Иерсм, Успенье ст. Бці. Праздники изображены в небольших четверугольных фигурах, равно как и надписи к ним оттиснуты тоже в четверугольниках, хотя немного поуже сравнительно с первыми. Для нас здесь замечательно то, что Распятие Христово изображено на четвероконечном или пятиконечном кресте и что на изображении Воскресения Господня Спаситель представлен с крестом в руке, также четвероконечным.

Чьи же это останки? – Может быть, они из гробницы супруги великого князя Симеона Иоанновича, или сына Дмитрия Донского – Иоанна (в иночестве Иоасафа), или Марии (в иночестве Фетинии), которая, по указанию летописи, в 1399 году 31 марта положена была в монастыре у Спаса в Москве, но в 1473 году «обретена в теле невредима ничем, толико риза истле». Как бы то ни было, глубокая древность этого параманда и пояса не подлежит сомнению. А для нас этого и довольно. Параманд этот доказывает, что в четырнадцатом или в пятнадцатом столетии наши праотцы употребляли четвероконечный крест как истинный крест Христов и даже самое Распятие изображали на четвероконечном кресте без титлы и подножия.

г) В Успенском соборе хранятся три низанные крупным жемчугом по алтабасу воздуха с крестами восьмиконечными, в кои вставлены 47 золотых запал с драгоценными камнями, также пелена аналойная из чешуйчатого алтабаса, по коему травы и цветы низаны жемчугом и украшены 48 золотыми запалами с камнями. В середине выложен

жемчугом четвероконечный крест. Надпись свидетельствует, что эта пелена сделана по болярине Илье Морозове.

Из этого описания древнемосковских памятников креста и его изображений видно, что в древнейшие времена употреблялся большею частью четвероконечный и только весьма редко шестиконечный крест, из коих последний, по нашему мнению, есть двойной крест, а не один, как это мы видели при рассматривании греческих изображений креста, и что только во времена позднейшие стал употребляться крест восьмиконечный. Значит, оба вида креста равно были в употреблении и равно уважались. Как же мнимые старообрядцы не почитают теперь креста четвероконечного?

III. О древнейших изображениях креста, заимствованных из «Собрания государственных грамот и договоров»

В этом собрании, на печатях великокняжеских и архиерейских, также пред началом весьма многих договорных грамот и пред архиерейскими надписями, мы видим почти везде изображения крестов четвероконечных. Шестиконечные встречаются не более как два или три; восьмиконечные же – и того реже, именно – всего один раз, на большой государственной печати царя Иоанна Васильевича. Весьма замечательно, что на последней, сверх обыкновения, в первый раз встречается разом два восьмиконечных креста – на царской короне и выше ее, за ободком, между гербами городов, с надписью: «древо дарует древнее достояше». Один из них, верхний, – со всеми принадлежностями, какие хотят непременно видеть при кресте мнимые старообрядцы: с копием, тростью, ступеньками и обыкновенными словосокращениями: ЦРЬ СЛА ІС ХС НІКА КО ТР МЛ РБ.

Проследим несколько великокняжеских и архиерейских печатей для наглядного представления заблуждающимся нашим собратам.

1. В конце договорной грамоты Новгорода с великим князем Тверским Михаилом Ярославичем, на каких условиях владеть последнему Новгородом (писано между 1305 и 1308 годами), привешена свинцовая двусторонняя печать Новгородского архиепископа Феоктиста. На одной стороне ее изображена Богоматерь с Предвечным Младенцем на Ее лоне. На главе Божественного Младенца изображен четвероконечный крестик такого вида: †. На другой стороне печати находится имя ее владельца, начертанное старинными, уставными буквами: Феоктист архиепископ Новгородск; пред началом этой грамоты стоит тоже четвероконечный крестик.

2. В конце духовной грамоты великого князя Василия Дмитриевича (1-го) о учинении наследником великого княжения сына его Ивана Васильевича и о разделе движимого и недвижимого имения его между князем Иваном и княгиней Софией Витовтовной (писано около 1406 года) привешена на красном шелковом снурке серебряная позолоченная печать; на одной стороне ее изображен ангел великого князя Василия Дмитриевича – Святитель Кесарийский в архиерейском облачении, без митры, с книгою в руке. На омофоре видно три четвероконечных креста

большой формы. На книге изображен белый крестик следующего вида: . На другой стороне печати уставом изображено: печать князя великого василиева дмитриева вся руси.

3. В конце уложенной грамоты «Об учреждении в России патриаршеского престола, четырех митрополитов, шести архиепископов и осми епископов; о посвящении бывшим в России Константинопольским патриархом Ие-ремию первого российского патриарха Иова и о поставлении впредь патриархов в Москве, с соизволения царского, по избранию всего священного Российского Собора» (писано в 1589 году в мае) приложено десять печатей, из коих первые четыре, в том числе большая государственная, две патриаршие и одна митрополичья, – из красного воску на красных шелковых снурках, а последние шесть – три митрополичьи, две архиепископские и одна епископская – из черного воску, на черных же шелковых снурках. На государственной печати между главами орла изображен шестиконечный крестик такого вида:

над этим изображением, за каймою круга, в котором изображен орел, между словами царского титула, виден крестик четвероконечный. На одной стороне печати Иова патриарха, именно на той, на которой начертаны его имя, титул и благословляющая рука, вверху, между двумя ободками, изображен также крестик четвероконечной формы. На печати архиепископа Суздальского и Торузского Иова на одной стороне изображена Божия Матерь, восседающая с Предвечным Младенцем на престоле. В руке Божественного Младенца четвероконечный крестик такого вида:

4. В грамоте государя царя Михаила Феодоровича, посланной «в Любек бургомистрам, ратманам и палатникам: о возвращении, по ходатайству их, посаднику Григорию Мундинусу товаров, отобранных в казну у прикащика его Баингарта за злоумышленность и непорядочное поведение в гор. Архангельске» (писано в 1618 году, в августе), приложена под кустодию на красном воске печать, на которой между главами орла изображен шестиконечный крестик, а выше за ободком, один над другим, три четвероконечных крестика при начале каждой из трех строк полного царского титула.

5. Пред началом грамоты от Александрийского патриарха Герасима к государю царю Михаилу Феодоровичу, в коей первосвяtitитель, благодаря за присланные к нему с Иваном Коровянным и иеродиаконом Сергием дары, изъявляет сожаление его о кончине родителя государева патриарха Филарета и утверждает избранного на его место патриарха Иоасафа (писано в 1635 году в октябре), начертано следующее изображение

четвероконечного креста с греческой надписью:

А в конце, пред подписью патриарха, следует фигура креста, начертанного скорописью:

Что же опять следует из всего сказанного об изображениях креста в государственных грамотах и договорах? То, что кресты четвероконечной формы употреблялись у нас, в России, если не чаще, чем кресты всякой другой формы, то наравне с ними. Что же касается почтения, воздававшегося кресту той или другой формы, то оно, конечно, было одинаково, потому что на всякий крест смотрели как на один крест Христов и не знали различия между четвероконечным, шестиконечным и восьмиконечным крестами. А в Греции и не знали другого креста, кроме четвероконечного, и в начертании его позволяли себе свободу, пиша его или в виде римской буквы f, или похоже на греческую букву ψ, и иначе как-либо, и все именовали крестом Христовым, не споря о концах или прямизне составов креста.

IV. О древнейших памятниках креста, взятых из книги под заглавием «Чтения в Императорском Московском обществе Истории и Древностей Российских»

Мы хотим сказать о кресте преподобного Авраамия Ростовского, основателя монастыря его имени, современника Владимира Мономаха (1113–1125). Мощи Авраамия обретенны при внуке Мономаха, великом князе Всеволоде (1176 – 1212)⁸³. На этот крест ссылаются и мнимые старообрядцы в доказательство того, что на кресте не должно писать титулы Пилатовой – І Н Ц І. Вот что они говорят по этому поводу: «Апостол Христов и евангелист Иоанн Богослов даде жезл с распятием преподобному Авраамию Ростовскому Чудотворцу, имже повеле сокрушити Влеса идола, творяща многи напасти мимоходящим людям, еже и бысть, на нем же распятии несть Пилатово написание. Имасть же воображено: ІС ХС НІКА. Сие же распятие в монастыре преподобного Авраамия имеецца, о дании же жезла и о сокрушении идола в житии Авраамове написано». На это мы прежде всего должны сказать, что ссылка их не совсем справедлива: в житии Авраамия сказано, что св. Иоанн Богослов дал преподобному жезл не с Распятием, а – простой, обыкновенный жезл, или палку, без Распятия, что можно видеть между прочим на самом этом жезле, который, кажется, будучи взят из монастыря Иоанном IV, и теперь, говорят, находится в Московской Оружейной палате. Старообрядцы смешивают жезл с крестом Авраамия, что не одно и то же. О надписи мы не спорим, но и об ней должны сказать, что она не совсем в том виде, в каком находят ее старообрядцы: на изображении креста видно только три буквы: НІК, а слов: ІС ХС – нет; есть только два слова: ца, идущие вдоль креста. Что же касается формы креста и формы разных меньших изображений, сделанных в нем, то самый крест – шестиконечный; два поперечника его, из коих один короче, а другой длиннее, находятся в большом расстоянии друг от друга, так что, если бы разрезать крест в середине между двумя поперечниками, то вышло бы два правильных креста – и, по всей вероятности, потому он представляет из себя два соединенных креста, а не один. В верхнем конце креста и отчасти в верхнем поперечнике представлена фигура четвероконечного креста, не большого, но широкого в середине и оконечностях; в этом изображении креста находится другое, шестиконечное; пониже его начертан опять крестик – четвероконечный; при нем начертаны буквы ца еще ниже, в

поперечнике, представлен восьмиконечный крест с титлою и прямым подножием. Но титла представлена не вделанною в крест, а прилаженною ко кресту сверху, как табличка для надписи; в ней опять маленький четвероконечный крестик. Подножие также не вделано в крест, как средний поперечник креста, а сверху приложено или прибито к нему. В верхнем конце креста и в концах верхнего поперечника изображены архангелы – Михаил, Гавриил и еще один без имени, с благоговением созерцающие Таинство Искупытельной Жертвы; в концах другого поперечника, по правую сторону, – Матерь Божия, а по левую – св. Иоанн Богослов, состраждущие Распятому; под нижним концом крестораспятия представлена Адамова глава.

Таким образом, один и тот же крест научает мнимых старообрядцев, что о форме креста не должно быть никакого спора и между тою и другою формою не должно делать различия относительно почитания, а должно почитать всякий крест одинаково, будет ли он восьмиконечный, шестиконечный, четвероконечный или даже какой-либо другой формы, и почитать как Крест Господень, потому что мы не чтим и не должны чтить никакого другого креста – не Господнего: собственно за нас пострадал на Кресте только один Господь, и никто другой, а потому и крест есть только один, и хотя он представляется часто в различных видах, но все эти виды принадлежат одному Кресту Господню: нет особенного креста русского, греческого, римского и пр., а все бесчисленное множество крестов, какого бы вида они не были, изображают один крест – Крест Господень.

V. О древнейшем памятнике креста, упоминаемом в февральской книжке «Христианского чтения» за 1854 год

В ризнице Александро-Невской Лавры хранится корона, или шапочка, св. благоверного великого князя Александра Невского. По форме своей она походит на нынешнюю скуфью; сшита она из малинового бархата; по всем четырем сторонам, от низа до верха, обложена золотым позументом; в самом верху ее, из того же позумента, сделано небольшое яблоко, и на нем утвержден серебряный, позолоченный четвероконечный крест. Корона со всеми принадлежностями, исключая опушки внизу и подбоя из голубой китайки, сделанных не столь давно, принадлежит, несомненно, глубокой древности, являясь собственностью св. благоверного князя: за это ручается и ее форма, и очевидная для тех, кто ее видел, древность.

**Е. О памятниках креста и изображений его,
заимствованных из древнейших старописных и
древних старопечатных до Никона патриарха книг**

Об изображениях креста в древнейших старописных книгах

Здесь мы скажем а) об изображении креста киноварью и чернилами в начале греческого рукописного Евангелия XII века и Апостола XIII века, принадлежащих к памятникам отечественной древности, и б) о древнейших памятниках креста, представленных в снимках в Степенной Лицевой книге благоверных князей (за 887 – 1379 годы) старинного письма и из этой книги заимствованных в рукописную же книгу, писанную в 1723 году и принадлежавшую архиепископу Архангельскому и Холмогорскому Варсонофию.

а) В начале греческого рукописного Евангелия⁸⁴ 1144 года (перед греческим словами: *αἰία καί μεγάλη κυριακή τοῦ πάσχα*), согласно древнейшему христианскому обычаю, изображен киноварью и вместе голубцом (киноварь по краям, а голубая краска в середине) следующий крестик:

Кроме того, после каждого стиха чернилами начертаны маленькие четвероконечные же крестики, а в начале Апостола, пред теми же словами, – такое начертание креста: †, после же каждого стиха, писанного скорописью, такое:

б) Древнейшие кресты, которые следует теперь нам описать, большею частью суть не что иное, как выносные кресты, которые и прежде стояли и теперь обыкновенно стоят в алтаре за престолом и носят в крестных ходах или при освящении церкви. Форма их большею частью однообразна везде; именно – они представляют четыре равные один другому по длине концы креста, на которых сделаны шары или круги, – форма, которая, как мы видели выше, ведет свое начало от равноапостольного Константина; к нижнему концу таких крестов приделывались рукоятки, которые, впрочем, делались иногда из одного цельного с крестом дерева. Между этими крестами есть и крест Филофея, патриарха Константинопольского, посланный им в дар преподобному Сергию Радонежскому. Так как выписки из Степенной книги взяты в отрывке – из середины, то они и начинаются так, как будто бы составляли продолжение чего-то, о чем говорилось раньше. Представим их, как они есть:

«Того же лета повелением великаго князя дмитрея ивановича преподобный игумен Сергий созда монастырь на реке на дубенке на стромыне, и постави в нем церковь Успения Прссвятыя Богородицы. И игумена приведе из своего монастыря от Святыя Троицы именемъ

Леонтия, и свещена бысть церковь месяца Декабря в 30 день и иноки совокупи и монастырь устрой совсем, обогати его и удоволи князь великий дмитрей ивановичь всеми потребами в славу к бгу і пречистой матери богородице на спасение і на сохранение державы своея; а на оном священии церковном круг церкви в ходу был крест носим от крестоносца таков видим:

«В лето 6889 бысть нашесте на русскую землю проклятаго Мамая царя во дни Серия радонежскаго чудотворца. Изящный его послушник инок Псресвет, і тако по повелению преподобнаго игумена Серия возложи на себя святую схиму ангельской образ и знамена его святым крестом и окропи его священною водою и простися у духовного отца, таже у великаго князя и у всех князей и у всего христианскаго воинства и у брата своего Ослабя». А которым крестом он был знаменован, по форме своей был шестиконечный.

«В лето 6890 августа в 23 день был приступ татарской к Москве, и мануша граждан, дабы вышли встречу и отвориша врата градня, народи же христианский веру яша словесем и сии помыслиша и прельстиша. Слепи бо их злоба татарская: ни познаша, ни помянуша глоголющаго: ни всякому духу имете веру, и отвориша врата градня и воидоша со кресты и со князем своим и с дары многими ко царю и с лучшими людьми. Тако и архимандрит и игумены и попове со кресты, а по них бояре и больше люди, и потом народ и черныя люди и в том часе татарове начаша сеци напрасно.

А на одном выходе с иконами имел крест сицевый вид – обыкновенный крест, только конец рукоятки заострень».

«В лето 6897 пришедшим нам ко граду Персяславлю и сretoша нас со кресты. Пришедше митрополить в соборную церковь и молебная совершив и пироваху у великаго князя и честь многу прият и сице безпрестани чувствоваше нас со своим епископом Еремием Гречином.

А во оном приятии и сретении имуще крест видом сицев (такой же)».

«В лето 6890 о составлении общаго жития. По сих же приидоша греки от Константина града ко святому Сергию в монастырь от филофия патриарха царе градскаго и даша ему благословение отъ патриарха крест и парамонт и схиму и грамоту...

А оный же иже принесен на благословение крест имуще вид сицев:

«В лето 6913 свещена бысть церковь на Симонов успение Пречистой Богородицы, юже основа Феодоръ Архимандрит, а сверши ея князь великий василій дмитреевич, а свещена бысть по правом основании в 24 лето.

А на оном священии имуще крестъ вид сицевой:

«В лето 6917 генваря в 25 день прииде из орды от царя Булат Салтана во Тверь Князь великий Иван Михайлович тверский, а с ним посол царев і сретоша великаго князя с кресты честно. И граждане вси выидоша противу его с великою радостію»...

Этим ограничиваем свои выписки из рукописи. Мнимые старообрядцы видят, что им ничто не благоприятствует; за какую бы церковную древность они ни взялись, каждая безмолвно станет обличать их грубость, безумие и слепоту, по которым они так упорно не хотят признать четвероконечного креста крестом Господним и почитают лишь крест восьмиконечный.

Обратимся еще к уважаемым ими старопечатным до Никона патриарха книгам и посмотрим там изображения креста, хотя и здесь найдем не восьмиконечный только крест, а и четвероконечный, притом гораздо чаще последний, чем первый.

II. Об изображениях креста в старопечатных книгах

Здесь мы скажем об изображениях креста а) в Апостоле первого Львовского издания 1573 – 1574 годов, б) в двух служебниках Петра Могилы, из коих один печатан в Печерской Лавре в 1529 году, а другой во Львове в 1637 году, и в) в книге Молитвенник или Требник, изданной в Вильне в 1617 году.

а) В Апостоле первого львовского издания 1573 – 1574 годов пред Апостолом каждого дня, на поле изображается четвероконечный крестик на следующей фигуре, также имеющей вид четвероконечного креста:

В иных местах крестики эти приближаются к обыкновенному своему начертанию, например, в самом конце Послания к Филимону крест на такой же фигуре стоит такой: †.

б) В служебнике Петра Могилы, напечатанном в Печерской Лавре в 1629 году, почти везде, где есть изображения креста, встречаются кресты четвероконечные, и именно – на заглавном листе, на омофорах святителей: Василия Великого, Иоанна Златоустого, св. Петра митрополита, Алексия митрополита, изображенных по бокам большого листа, кресты все четвероконечные. Впрочем, на обороте того же листа Распятие Христово в большом виде представлено на кресте восьмиконечном. Пред грамотою Иова Борецкого, митрополита Киевского, Галицкого и всея России, изображен посредине четвероконечный крестик. На обороте того же листа, на первой странице которого напечатана означенная грамота, изображен герб Литовского княжества, а над ним представлены две короны с четвероконечными крестами наверху. Внутри герба есть между прочим изображение птицы, которая клювом своим держит за нижний конец четвероконечный крест.

На стр. 125 в «Проскомидии Литургииамъ» в круге, где представлено положение св. хлеба и частей святых на св. дискосе, в середине, – крест шестиконечный (без титлы). Пред последованием Литургии св. Златоуста, в большом виде, во весь лист изображен этот святитель в архиерейском облачении (без митры, в венце). На омофоре представлены три большие (на правой и левой рамс и на персях) четвероконечных креста:

На стр. 79 Литургии св. Златоустого напечатано оглавление: «О раздроблении св. Агнца», – с боков этой строки изображены киноварью две руки, держащие крест четвероконечный. Далее, полагать св. части на дискосе повелевается крестообразно: «ІС убо полагай на внешней стране св. дискоса; ХС же от долу; а от св. потира «НІ», КА же от левой страны».

Пред Литургией Василия Великого также в большом виде, во весь лист, изображен этот святитель в крещатой ризе и омофоре. Кресты на ризе все четвероконечные, как это обыкновенно делается на полиставрионе; на омофоре – также.

Пред Литургией Преждеосвященных Даров изображен крест средней величины (далеко не в листе) с титлою и подножием. На верхней дощечке титла – ИИЦІ, а с боков этой дощечки поодаль стоят слова Ц и С; потом, пониже дощечки, но поближе к ней – буквы ІС – ХС. Это над большою поперечною частию креста; под этим поперечником весьма близко к продольной части креста слова: НІ – КА.

В «Литургиаріоне си ест служебникъ» Петра Могилы, напечатанном во Львове в 1637 году, на заглавном листе, по бокам, изображены святители – Василий Великий, Иоанн Златоуст и Григорий Двоеслов в святительских одеждах; на омофорах у всех у них кресты четвероконечные, числом: у первого – четыре (два на конце омофора и два на раменах), у второго – пять (три на нижнем конце и два на раменах), у третьего – три; кроме того, четвероконечные кресты находятся также на архиерейских шапках у свв. Василия и Иоанна Златоустого.

Пред последованием Литургии Златоустого этот святитель изображен на отдельном листе в большом виде и в архиерейском облачении (без митры, но в венце). На омофорах его изображены три большие, также четвероконечные креста.

Пред последованием Литургии Преждеосвященных, на особом листе, изображен св. Григорий Двоеслов в архиерейском облачении. На его омофоре кресты – числом три – тоже четвероконечные, а крещатая риза также вся унизана четвероконечными крестиками (на обороте 155 листа).

в) В книге «Молитвенник или Требник» (издана в Вильне в 1617 году) пред началом многих чинопоследований – крещения, обручения, молебного канона Иисусу Христу, честному параклису, Пресвятой Богородице, пред «молитвою прощальною над умершим», пред «чином новому лету» – вверху страницы изображается Иисус Христос в архиерейских одеждах (впрочем, без архиерейской шапки, вместо которой Его глава окружена венцом, с находящимся внутри его в трех, представляющих крест, четвероугольниках словом «о ѡν»). На омофоре везде представлены четвероконечные кресты.

Здесь еще нужно сказать об изображениях креста елеем и миром при совершении Таинств Крещения и Миропомазания. В том же Требнике, в последовании крещения детей, говорится, что священник, прочитав молитву – «Владыко Господи Боже отец наших, иже сущим в ковчезе

Ноеве» и взявши елей, творит им на воде трижды кресты.

Какие кресты? Без сомнения, не восьмиконечные.

Тут же, после возгласа, говорится дальше: «И приносится крещаемый священнику. Он же, возьмет от святого елея перстом, и творит креста образ младенцу, на челе и на персех и на лице.., глаголя: «Помазуются раб Божий елеем радости"" и проч.

В последовании помазания миром, после первой молитвы и возгласа, красными буквами напечатано: «Помазуем окрещенного святым миром, творя креста образ (Какого же креста? Ужели восьмиконечного? Многократное изображение такого креста требовало бы слишком много времени), на челе, на очесех, на устах, на ушесех, на персех, на руках и ногах, глаголя: печать дара Духа Святого. Аминь». По окончании последней молитвы о пострижении новокрещенного и миропомазанного, вслед за возгласом говорится: «И постригает его крестообразно глаголя: постригается раб Божий... во имя... Аминь».

Вот и уважаемые мнимыми старообрядцами старопечатные книги говорят против них и безмолвно убеждают их оставить свое безумие.

III. О невольных и как бы бессознательных указаниях самих раскольников на четвероконечный крест как крест истинный

В рукописной книге мнимых старообрядцев, заключающей в себе восемь статей, из коих первая представляет увещательную беседу к хранящим древлеотеческое православие христианам, вот что между прочим говорится о титле (см. статью вторую, лист 108 на обор.): «Равноапостольный князь Константин устрои три кресты из чистой меди (мы видели это, когда говорили о памятниках креста в IV веке) по образу, показанному на небесах от самого Христа, яже въ пролозе сентября в 14 писано, и нарече святыя имена сице: Иисус Христось побеждает». Разберем эти слова мнимых старообрядцев: они говорят, что равноапостольный царь Константин устроил три креста из чистой меди по образцу, показанному на небе от Самого Господа Иисуса Христа, и написал на них: «Иисус Христос побеждает». Совершенно верно: то же передают и греческие писатели. Повторим здесь то, что было уже сказано, чтобы удобнее можно было сравнить слова мнимых старообрядцев с рассказом греческого историка.

По возвращении равноапостольной Елены из Иерусалима, говорит греческий писатель Никифор, по повелению Константина скованы были из меди три очень больших креста, из коих на каждом он начертал отдельно следующие слова: на одном кресте – $\text{И}\eta\sigma\omicron\upsilon\sigma$, на другом – $\text{X}\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma$, на третьем – $\text{N}\iota\kappa\acute{\alpha}$. Далее, греческий историк продолжает: крест с именем «Иисус» был весь вызолочен и поставлен на триумфальных воротах – на площади. А другой досточтимый и святой крест, имевший на себе имя «Христос», Константин поставил на римской пурпуровой колонне, на месте, называемом $\text{φ}\lambda\alpha\delta\acute{\epsilon}\lambda\phi\omicron\nu$, т. е. братская любовь. Третий же, с надписью $\text{ν}\iota\kappa\acute{\alpha}$, который Константин назвал $\text{ν}\iota\kappa\omicron\varsigma$, т. е. победою, а Гераклий – $\text{α}\nu\iota\kappa\eta\tau\omicron\nu$ – непобедимый, он поставил на высоком мраморном столбе, на месте, которое носило имя $\text{α}\rho\tau\omicron\lambda\acute{\omega}\lambda\iota\omicron\nu$, т. е. хлебная площадь.

Сличим же теперь оба сказания: и наших мнимых старообрядцев, и Никифора, и выведем отсюда необходимое следствие.

Старообрядцы говорят о трех крестах, сделанных Константином из меди, – Никифор тоже; они говорят, что кресты были устроены по образцу, показанному на небе от Самого Иисуса Христа, – Никифор говорит совершенно то же; те говорят, что Константин сделал на них

надпись: «Иисус Христос побеждает». Здесь надобно задать вопрос мнимым старообрядцам: на каком языке Константин сделал такую надпись: на русском, на греческом или римском? Конечно, они сознают явную нелепость первого ответа, т. е. что надпись была сделана на русском языке. Отвечать же так, что надпись была сделана на греческом языке, их должно убедить то обстоятельство, что на таком языке передают надпись греческие и римские историки, и то, что употребительнейшим в то время языком на Востоке был язык греческий. Значит, на крестах было написано: $\text{I}\eta\sigma\omega\upsilon\varsigma \text{X}\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma \text{N}\iota\kappa\acute{\alpha}$. Точь-в-точь то же говорит и Никифор. Надпись эту знают и почитают сами мнимые старообрядцы. Но здесь они не хотели представить ее по-гречески по хитрой увертке: греческая надпись обличила бы их безумие; они больше, конечно, видали древних четвероконечных крестов с этою надписью, чем другой формы. Что же следует из этого сопоставления двух сказаний о трех крестах Константина? А вот что: если три креста устроены были по образцу, показанному на небе Константину от самого Христа, то эти кресты – необходимо были четвероконечные: все повествователи о чудесных явлениях св. Константину креста на небе описывают этот крест четвероконечным; так, например, Евсевий, жизнеописатель Константина, рассказывает о воинском знамени, устроенном тем же Константином по образу креста, виденного на небе: это знамя описано у него четвероконечным, состоящим из длинного шеста и поперечного рея. Итак, из сказанного непререкаемо следует, что три креста, устроенные Константином, о которых говорят мнимые старообрядцы, имели фигуру четвероконечную. Если, далее, надпись была на крестах греческая, то отсюда следует, что кресты даже в последующее время в Греции были четвероконечные. Три слова: $\text{I}\eta\sigma\omega\upsilon\varsigma \text{X}\rho \text{N}\iota\kappa\acute{\alpha}$ с трех крестов впоследствии были перенесены, как нам уже известно, на один крест и писались с таким приспособлением, которое, очевидно, было сделано для креста четвероконечного, – именно писали, как и теперь пишут, эту надпись следующим образом:

Если между пробелами провести вдоль и поперек прямые линии, то и выйдет крест четвероконечный, т. е. слова: $\text{I}\text{C} \text{X}\text{C}$ приспособлены к тому, чтобы надписать их выше поперечника, по ту и другую сторону продольной части креста, а $\text{H}\text{I}-\text{K}\text{A}$ – ниже поперечника таким же образом. Второе следствие: если надпись была греческая, то отсюда следует, что кресты и в последующее время, по крайней мере в Греции, большею частью были четвероконечные с означенною подписью или без нее. Что же скажут нам на это старообрядцы? Сказать против этого решительно

нечего: истина необходимо должна восторжествовать.

В другой рукописной раскольнической книге, писанной скорописью в не очень давнее время (принадлежащей Архангельской семинарской библиотеке), в главе восьмой – «О начале раздора Федосеевых с Выгорецким общежитием; о причинах того, чего ради оный бысть», в конце, есть ссылка мнимых старообрядцев на один четвероконечный крест, который они признают истинным, настоящим крестом.

Некто, раскольник Игнатий Трофимов, утверждал, что на кресте нужно писать титул из четырех букв – ІНЦІ и укорял поморян между прочим и за то, что они не принимают этой титулы. Прибывши по случаю в Москву, где были и поморцы, он доказывал им верность своего мнения тем, что и на кресте св. Константина равноапостольного, находящемся в Успенском соборе (в Москве), есть такая надпись. Поморцы – Даниил Матфеич, Федор Калинич, Федор Федорович Яров, Михайло Григорьевич и некоторые другие с их стороны, «собравшеся вкупе, поидоша во Успенскій собор, поемше и онаго учителя Игнатия и даша стражию сребреники, да вынесут пред тех очи оный крест Константинов, иже и вынесен бысть из олтаря и положен на налой, к которому приступивше отцы прилежно смотриша Игнатием проповеданнаго, но того усмотри отнюдь не возмогоша, токмо начертание сіе Іс Хс сим побеждай, якоже и самолично оный благочестивый монарх на небеси звездами изображенное виде и историею тою засвидетельствовано бысть». – Нужно ли после этого доказывать еще мнимым старообрядцам, что четвероконечный крест – истинный Христов крест, когда самые их учителя признают его, как бы поневоле, – за истинный крест? Кто из любителей древности не знает, что в Успенском соборе находится крест Константина, принесенный с Афонской горы, – крест четвероконечный и что на небе этот монарх видел четвероконечное изображение креста? Но раскольники весьма часто сами признают истинным крестом четвероконечный крест, когда, например, предостерегают своих единоверцев от того, чтобы они не осмеливались наступать на сложившуюся случайно или намеренно сложенную на земле или на полу фигуру креста о четырех концах, а также когда осуждают православных за пренебрежение четвероконечною фигурю.

До сих пор мы перечисляли и описывали множество древних памятников и изображений креста, рассеянных на протяжении семнадцати веков в разных местах – близких и отдаленных. Для чего, однако, мы это делали? Конечно, для убеждения заблуждающихся наших братьев – русских простолюдинов, которые, отдалившись от родной, Православной Церкви, хулят ее святыни и в том числе истинный, достопоклоняемый,

Животворящий Крест Господень, думая по какому-то крайнему, безумному ожесточению и слепоте, что они хулят вовсе не истинный Крест Господень, а какой-то крыж латинский, как будто крыж у латинян не тот же Крест Христов и будто за латинян распят другой кто, а не Христос. Хула самая страшная: что может быть ужаснее того, как хулить то, чем мы спасены и постоянно спасаемся и что служит для каждого христианина источником благословения? Поносить Крест Христов – значит обрекать себя на те бесконечные, страшные мучения во аде, от которых избавил нас Крестом Господь наш, – обрекать на то вечное проклятие от Отца Небесного, которое Он снял с земли и людей за крестные страдания Своего Единородного Сына, принесшего Себя в жертву Небесному правосудию за нас грешных, – обрекать, наконец, на вечную смерть, на вечное исчезновение, потому что быв оживотворены Крестом, мы только им живем и сохраняемся. Однако заблуждающиеся могут оправдываться тем, что делают это по неведению. Но не представляется ли им едва не на каждом шагу самых ясных доказательств, что четвероконечный Крест Господень есть истинный? Не носят ли они на себе четвероконечного креста? Не совершают ли они крестного знамения о четырех концах?

Не вся ли древность церковная свидетельствует им, что этот крест есть Крест Христов Животворящий? Какой же ответ дадут они после этого? Только обращение и раскаяние могут помочь злу. Да и из-за чего и как они перестали почитать четвероконечный крест, когда, как мы видели, во все времена христиане, не исключая и русских, чтити и чтят боголепно этот крест и вовсе не знали никакого различия между восьмиконечным и четвероконечным крестами? Отчего такое внимание обращено на концы креста?

Кресты от начала христианской веры до патриарха Никона были большею частию четвероконечные. Какое же после этого будут иметь они оправдание, какое извинение, если не обратятся на путь истины и не станут почитать четвероконечный крест? Да и не на четырех ли только концах Сам Господь распростер свою Пречистую Плоть? Разве на титле был пригвожден Он? Разве на подножии, которого, как всякий здравомыслящий видел, и не было? А если бы и действительно оно было, то разве без него крест уже не крест? О, если бы просветил Господь этих грубых и жалких людей!

Послушайте, заблуждающиеся собратья! Вот откуда началось ваше непочитание истинного Креста Господня. Вас сбил с прямого пути слепой вождь ваш Никита Пустосвят. Дело было так: Никита заметил, что на

просфорах стали печатать в его время вместо прежнего восьмиконечного креста с копьём и тростью – четвероконечный, и стал вопиять во всеуслышание, что истинный восьмиконечный крест Христов на просфорах упразднен и возненавиден. За ним пошли соловецкие челобитчики, которые стали кричать уже, что истинный крест упразднен не только на просфорах, но совсем, хотя в действительности восьмиконечный крест на просфорах был заменен крестом четвероконечным лишь потому, что последний употреблялся на них издревле и был признан более удобным; во всех же других местах крест первого вида был оставлен неприкосновенным. В то же время соловецкие монахи стали жаловаться и на введение будто бы вновь двучастного, или четвероконечного креста, хотя это ни в каком случае нельзя было назвать новостью. Четвероконечный крест с надписью: ІС ХС НІКА употреблялся с древнейших времен в Греческой Церкви. Кроме известных уже нам свидетельств об употреблении такого креста на просфорах, о нем упоминает Константинопольский патриарх Лука Хризверг в присланном к Киевскому митрополиту Константину деянии соборном по делу Мартина. «Латиняне, – говорит он здесь между прочим, – служат на опресноках и печатают на них Распятие, а не двоючастный крест, а Мартин учит служить на опресноках и печатати Распятие». Был в употреблении четвероконечный крест при печатании просфор и в Русской Церкви, что подтверждает харатейный требник, подписанный рукою Феоноста, митрополита Московского. Последний пишет в нем между прочим: «Кийждо поп своей просфирне повелевал бы просфоры делати по св. Елифанію, сугубовидны, круглa и четвероугольна просфора была бы собою, а печать бы была четвероконечна и четвероугольна сицевым образом:

и больше же ничтоже изменяюще, ниже прилагающе что, ниже отъемлюще что, но всяко сицевое повеление твердо да соблюдается в них, понеже восточная церковь сначала веры сицевое изображение на просфорах приаще полагати». Если же четвероконечный крест с надписью: ІС ХС НІКА есть не новый, но древнейший, достопоклоняемый крест, и восьмиконечный крест на просфорах заменен четвероконечным только как более удобным, во всех же других местах остался неприкосновенным и почитался наравне с четвероконечным, то мнимым старообрядцам вовсе нет причины оставаться в своем опасном заблуждении. Да воздастся же от всех должная честь Животворящему Кресту!

В заключение вот еще разительное современное доказательство того,

что четвероконечный крест есть крест Христов. Ордена всех христианских государств на земном шаре имеют своею принадлежностью непременно кресты; равно и в гербах большей части христианских держав есть изображения крестов, и везде, везде эти кресты имеют четвероконечную форму. Что же значит это единство, эта повсеместность одной формы креста? Это – признак несомненной истины. На Востоке доселе повсюду употребляются только четвероконечные кресты, и вообще во всем христианском мире во всех почти случаях также употребляют четвероконечные кресты. Только у нас одних не так давно введена, а теперь все больше и больше распространяется форма креста восьмиконечного с титлою и косым подножием, в которых, впрочем, иностранец-христианин едва ли может узнать ту титлу, которая была положена, по сказанию евангелиста Иоанна, на крест, а не врезана в крест, и то подножие, о котором упоминает Григорий Турский.

Всякий здравомыслящий христианин, конечно, почитает и такой крест как истинный крест, потому что обращает внимание не на число концов и не на положение их, а на Господа, простершегося на Кресте ради нашего спасения, и не по концам ему честен крест, а ради Господа; потому-то, если бы он стал перечислять даже концы креста, то он нашел бы их не больше четырех, так как Господь был на кресте четвероконечном. В титле он увидел бы одну надпись незаконного прокуратора Иудеи Пилата Понтийского, которая сама по себе никак не достойна почтения, а в подножии, – он не стал бы спорить, косое ли оно было или прямое, и было ли вообще или нет, – он видел бы небольшую принадлежность креста, не больше как об одном конце, в виде бруса или площадки, на которой могли бы утвердиться ноги распятого Господа.

О, если бы прекратился этот безрассудный, бесплодный и душевредный спор о концах и воздавалось должное почтение Животворящему Кресту самым делом, а не на пустых, исчезающих в воздухе и никакой пользы не приносящих словах! Дьявол долго стонал, трепеща силы креста Христова, пред которым так благоговели наши предки, – и вот он нашел удобный случай лишить, так сказать, подобающей чести истинный Крест Господень: он опутал

своими адскими сетями души простых людей и заставил их извратить богоугодное и спасительное дело почитания Креста Господня: безмолвное, благоговейное, умное почитание Креста эти люди обратили в болтливый, дерзкий и безрассудный спор о концах его, мало того – в страшные и нелепые хулы против него. Господи! Ты един веси, как велико это зло! Ты един и можешь обратить заблуждающих, просветить очи ума и сердца

этих, бывших некогда чад Твоей Святой Церкви, ныне же чуждых ей! Соедини их Крестом Твоим во едино тело Церкви, научив их благоговейно приникать в тайну Твоего Креста и поклоняться ему разумно и со страхом, как святому Твоему жертвеннику, на котором заклался Ты волею ради нас грешных.

Сказавши все, что представлялось нужным, о кресте вещественном, перейдем теперь к кресту не вещественному или крестному знамению.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Ж. О крестном знамени как постоянном памятнике истинной формы Святого Креста

Таково свойство лжи и заблуждения, что они большею частью сами себе противоречат, сами себя обличают и ниспровергают без всякого опровержения и обличения со стороны других. Примера тому искать не надобно далеко. Вот наши мнимые ревнители церковной старины отвергают и хулят крест четвероконечный вещественный, не признавая его истинным крестом Господним и называя его разными поносными именами; а между тем сами постоянно употребляют такой же крест четвероконечный, только не вещественный, при изображении на себе крестного знамени. Или, может быть, они потому хулят крест вещественный, что он имеет четыре видимые и осязаемые конца, а у этого концы невидимы и неосязаемы и исчезают вместе с отнятием руки от известного места? Что там тотчас бросается в глаза недостаток титлы и косоного подножия, а здесь этого они не могут заметить? Но кто же тому виноват, что крестное знамение, изображаемое без двух лишних поперечников, они признают за знамение истинного креста Господня, а крест вещественный, четвероконечный, если к нему не прибавлено еще двух поперечников, не хотят признать Христовым? Не невежество ли, не грубость ли, не темный ли смысл простолудинов? И из-за этого невежества, как поток, из уст несчастных льются хулы на христианскую святыню.

Здесь мы воспользуемся собственным оружием противников и его же обратим против них – не с тем, впрочем, чтобы поразить их, но чтобы образумить и исправить их, чтобы побудить их употреблять священное знамение креста разумно и с сознанием, как точное подобие Креста Христова истинного, вещественного, а не бессознательно, без всякого смысла и значения.

Итак, в этой части мы будем доказывать нашим мнимым старообрядцам, что крестное знамение есть точное подобие Креста Христова, тем, что оно в древние времена христианской Церкви было в таком же уважении и имело столь же обширное употребление, как и обыкновенный, вещественный крест, и называлось часто или просто крестом, или крестом Господним, – и именно, что крестное знамение употребляли и передали верующим сами свв. апостолы, чего, конечно, не сделали бы, если бы крестное знамение не было точным подобием Креста Господня, а было подобием какого-нибудь другого креста.

I. Из многочисленных свидетельств об употреблении свв. апостолами крестного знамения приведем свидетельства двух знаменитейших отцов и одного церковного историка.

а) Св. Киприан, еп. Карфагенский, не говоря прямо о том, что апостолы употребляли крестное знамение, говорит о самом начале и происхождении его от Самого Господа Иисуса Христа, а с тем вместе, хотя не прямо, свидетельствует и о том, что его употребляли и апостолы. «Ты, Господи, иерей Святей, – говорит он, – установил для нас неоскудно питание животворное, знамение креста и пример самоумерщвления»⁸⁵.

б) Св. Златоуст говорит прямо и положительно об употреблении крестного знамения св. апостолом Павлом. Изъясняя стих из Послания св. апостола Павла к Тимофею: «всяко создание Божие добро... освящается бо словом Божиим и молитвою», он говорит (1Тим.4:4–5), что это действие освящения, по смыслу слов апостола, производилось при посредстве знамения креста. «Две главные мысли полагает (св. Павел), – говорит он, – одну ту, что никакая тварь не скверна (всякая тварь безукоризненно чиста), другую ту, что если она (почему-нибудь) и кажется нечистою, то есть в готовности врачевство (против этого); напечатай на ней знак креста, принеси благодарение, воздай славу Богу – и тотчас вся нечистота исчезнет. Разве свиная плоть нечиста? Нет, (чиста), если принимается с благодарением и знамением креста; да и все иное также не есть нечистота»⁸⁶. Из этих слов св. Златоуста видно, что, по его мнению, христиане во время ап. Павла знаменовали пищу знамением креста, быв научены этому от апостола.

Кроме этих свидетельств свв. отцов об употреблении свв. апостолами крестного знамения, можно читать их еще в Четврых Минеях, например, под 14 и 16 числами ноября и 24 и 26 сентября.

Никифор дает ясное свидетельство о св. апостоле и евангелисте Иоанне Богослове, что он пред самым отшествием своим из этой жизни в вечную оградил себя крестом. Вот слова Никифора: «Иоанн, давно предвидевший отшествие свое к Богу, день и час его, взявши с собою пресвитеров и епископов церковных и, кроме того, тех братьев, которые обладали пламенною верою, выходит за город Ефес и входит с ними в одну близкую пещеру, куда он обыкновенно часто удалялся для молитвы, и здесь, помолившись с особенным усердием, поручает Церкви Богу; затем тотчас повелевает рыть себе с поспешностью гроб (могилу) заступами, потом научает тех, которые в то время находились при нем, после тайной молитвы к Богу, прекрасными правилами вере, надежде и преимущественно любви и, укрепив сердца их, поручает их Спасителю –

Слову; наконец, пожелав им о Господе спасения и здоровья, оградил себя крестным знамением – и спустился в гроб»⁸⁷.

Употребляя сами знамение честного креста, апостолы передали его употребление и всем христианам, и, таким образом, крестное знамение является преданием апостолов.

Св. Василий Великий говорит: «Догматы, предварительно определенные и хранящиеся в Церкви, мы имеем частью из писанного учения, частью получили из апостольского предания, дошедшего до нас в таинстве; и то и другое имеет для благочестия одинаковую силу, и этому никто не противоречит, кто только хотя посредственную опытность имеет в делах церковных». И вслед за тем, кроме других неписанных преданий, упоминает о знамении креста как повсеместном, по его словам, общеизвестном и общеупотребительном⁸⁸.

Таким образом, чрез длинный ряд веков крестное знамение дошло и до нашего времени, а что содержит вся Церковь, говорит блаж. Августин, и, не быв установлено на Соборе, всегда было удерживаемо, то по всей справедливости надобно признать апостольским преданием⁸⁹. Кроме этих двух свидетельств, об употреблении крестного знамения всю Церковь по преданию апостольскому свидетельствуют и многие другие отцы и писатели Церкви, например, св. Игнатий Богоносец, Дионисий Ареопагит, Тертуллиан, Иустин, Лактанций. оба Кирилла, Афанасий Александрийский, Ефрем Сирий, Григорий Назианзин и Григорий Нисский, Иероним, Амвросий, Григорий Великий и др. Некоторые из этих свидетельств мы представим в своем месте, а здесь достаточно сказать лишь об одном, именно – Тертуллиана. Последний о христианах своего века (после перечисления некоторых других преданий, кроме предания о крестном знамении) говорит: «При всяком отправлении (*progressus*) и движении, при всяком входе и выходе, при одевании и обувании, на умывальницах, на столах, на светильниках, на ложах, на седалищах, всякий раз, что бы мы ни делали, мы проводим на челе знамение креста». К этим словам он присовокупляет: «Если бы ты стал спрашивать о законе писаном, по которому существуют эти и другие подобные учения, ты не нашел бы никакого: ты найдешь только, что предание всего этого утвердил обычай».

II. Крестное знамение употребляли, по преданию апостольскому, свв. отцы как точное подобие Креста Христова: а) при совершении всех таинств и б) в благословении.

A. Все выражения свв. отцов о крестном знамении показывают, что оно есть точное подобие Креста Христова.

Об употреблении крестного знамения свв. отцами вообще при совершении таинств свидетельствует прежде всего св. Киприан⁹⁰, который называет знамение креста знамением таинства в общем смысле. «Одно знамение таинства. – говорит он, – отгоняет демонские козни». Затем он присовокупляет: «Сколько ни есть слугителей таинств, сколько ни есть рук, которые или погружают входящих в водах крещения, или помазуют (миром), сколько ни есть гортаней, из коих выходят священные слова: авторитет (сила) действия во всех таинствах сообщает дар образом креста». В другом месте он же говорит: «Крестом Господним хвалимся; силою одного его совершаются все таинства; без него нет ничего святого и никакое другое освящение не имеет силы. Отсюда происходит возвышенность и глубина всех священнодействий и далеко и широко разливается полнота благодати»⁹¹. Св. Златоуст⁹² говорит: «Все, что относится к нашему спасению, совершается посредством крещения». Творец Слова об изложении Символа говорит: «Этим знамением креста освящается Тело Господне, вода крещения, также посвящаются пресвитеры и другие чины церковные и все, что ни освящается, освящается этим знамением креста Господня с призыванием имени Христова»⁹³. В другом месте тот же св. отец говорит: «Крест назван знамением потому, что мы им печатлеем все наши заветы и учреждения Божеские, полученные как бы каким царским знаком и кольцом, так что никакое зло не смеет уже приблизиться. Если вручаем кому-либо начальство над народом или возводим кого в достоинство священника, знаменуем крестом, как бы заключая в прочном и надежном месте полученный дар. Так оно употребляется и в священнодействиях. Ибо крест Христов есть меч и древо, на котором умерщвлен Христос богоубийцами и разрушены дела диавола. Потому-то в священнодействиях он употребляется как бы некоторый меч и бич царский, который ниспровергает всякое диавольское нападение. Посему божественные архиереи, как бы какие проводники, когда предложен царский бич, ниспровергают им и обращают в бегство все воинство неприятельское, раздавая божеские и царские дары тем, которые еще новички в вере»⁹⁴.

Свв. отцы свидетельствуют об употреблении крестного знамения при совершении каждого таинства в отдельности.

1. α) При совершении крещения оглашенные были знаменуемы крестным знамением пред крещением. Св. Дионисий говорит об этом так: «А он (первосвященник), начиная помазание чрез тоекратное назнаменование креста, для довершения остального – помазания всего тела, передает человека (имеющего принять Таинство Крещения)

священникам, а сам идет к матери общения, т. е. к крещальне»⁹⁵.

Св. Григорий Великий, или Двоеслов, пишет: «В день субботний, утром, читая Символ и молитву Господню, сначала оглашай их, положив руки на главы их... Потом помажь ноздри и уши (перстом, обмоченным) слюною и при прикосновении к уху говори: ефета. Затем св. елеем сделай крест между плечами, говоря: беги, нечистый дух, воздай честь Богу живому и истинному. Подобным образом делая крест на груди, говори: выйди, дух нечистый, дай место Духу Святому»⁹⁶.

Север, патриарх Александрийский, об обычае знаменовать оглашенных крестным знамением говорит: «Знаменует на челе три креста без елса и говорит: знаменуется такой-то во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святаго Духа, аминь»⁹⁷.

β) Вода для крещения освящалась знамением креста. Св. Дионисий Ареопагит говорит: «Сам предстоятель, освящая воды святою молитвою и призыванием, вливает в нес масть в виде святейшего креста»⁹⁸. Св. Григорий Великий: «Взяв золотой сосуд с мастью, вливает масть в воду крестообразно». Прежде вливания в воду масти, воду обыкновенно знаменовали крестным знамением или рассекали рукою крестообразно – по свидетельству св. Григория: «Рукою (священник) разделяет воду во образе креста»⁹⁹.

Север, патриарх Александрийский, говорит: «Трижды дует священник на воду крестообразно и наклонившись говорит: да сокрушится. Господи, глава оногo дракона-человекоубийцы под знамением креста Твоего и пр. С каждым призыванием делает четыре креста на воде, и перст свой ведет трижды от востока, потом от запада, севера и юга, говоря: но Ты, Господи, введи кресты сии в воды сии. И принимает рог с мастью сам священник и возливает на воды в три перемены крестообразно»¹⁰⁰.

γ) На самих крещаемых печатлели знамение креста: свв. отцы, приглашая людей ко крещению, обыкновенно приглашали их к знамению креста. «Бедные и терпящие лишения, – говорит св. Григорий Нисский, – спешите к раздаянию даров царских, овцы к знамению креста, которое подает помощь и лекарство в несчастий»¹⁰¹. Блаж. Августин говорит: «Чтобы они (крещаемые) не умерли на веки, они знаменуются тем самым крестом, на котором Он умер»¹⁰².

δ) После погружения в воде крещаемого тотчас опять знаменовали крестным знамением. Св. Григорий Великий говорит: «А когда он встанет из воды, тот, кто воспринимает его (от купели), пусть представит его одному пресвитеру, который сделает знамение креста миром (de chrismate) посредством пальца на главе его, говоря: Бог и пр.»¹⁰³.

2. Крестное знамение употреблялось и в Таинстве Миропомазания. Св. Киприан говорит: «Это теперь даже у нас делается, поелику те, которые крестятся в церкви, приносятся к представителям Церкви и чрез нашу молитву и возложение рук получают дары Духа Святаго и знаменуются знамением Господним»¹⁰⁴. Св. Григорий Великий: «Пресвитеры да не принимают на себя знаменованье на челах новокрещенных младенцев священным миром, но пресвитеры да помазуют крещенных на груди, как епископы после того должны помазывать на челе»¹⁰⁵.

3. В Таинстве Евхаристии также употреблялось знамение креста. Св. Златоуст говорит: «Когда мы вкушаем священнейшую пищу, крест Господень присутствует»¹⁰⁶. Герман, патриарх Константинопольский, свидетельствует: «Священник да возвышает Божий хлеб и да сотворит троекратное знамение креста в воздухе с досточтимым и животворящим хлебом»¹⁰⁷.

4. В Таинстве Священства также употребляемо было крестное знамение. Св. Златоуст говорит: «Крест находится, когда мы поставляем в чине священства»¹⁰⁸. Блаж. Августин свидетельствует: «Священники и левиты возводят на священническую степень посредством знамения креста»¹⁰⁹. Св. Дионисий Ареопагит: «На каждом из посвящаемых напечатлевается от посвящающего епископа знамение креста. В том же месте он творит знамение креста обще степени епископов, священников и диаконов»¹¹⁰.

Не говорим об употреблении крестного знамения при других таинствах: это должно быть несомненно, когда известно, что оно употреблялось при вышеупомянутых, и когда так обыкновенно оно было и в обыкновенных делах, вне церкви.

В) Теперь скажем об употреблении крестного знамения в благословении. Блаж. Иероним повествует, что к св. Епифанию, епископу Саламинскому (на Кипре), когда он пришел в Иерусалим, принесены были родителями для благословения маленькие дети¹¹¹. Тот же св. отец говорит, что св. Антоний Пустынный благословил львов, которые вырыли гроб для тела св. Павла¹¹². И сарацины во множестве вышли навстречу Илариону с женами и детьми, склонив главы и восклицая на сирском наречии – Bavash, т. е. благослови, как рассказывает тот же автор. «Евдокия, императора Аркадия супруга, призывает нас, – пишет Марк Газский, – и встречает нас в дверях ложницы, неся на руках младенца (Феодосия) в порфире. Она склонила голову, говоря: «Благословите, отцы, меня и сына, которого Господь даровал вашими святыми молитвами», – и (с этими

словами) передала Феодосия, чтобы благословили его. А святые епископы и ее и младенца знаменовали знамением креста»¹¹³.

Все выражения свв. отцов о крестном знамении, которое они называют или знамением, или даже просто крестом, показывают весьма ясно, что они признавали в нем точное подобие Креста Господня.

III. Крестное знамение употребляли в древности и простые верующие, как точное подобие Животворящего Креста, почти при всяком, даже иногда маловажном деле, например, христиане знаменовали крестом питье, когда его потребляли. Св. Григорий Богослов и за ним блаж. Феодорит свидетельствуют, что когда богоотступник Юлиан раздавал воинам подарки, то обманом довел некоторых до того, что они бросили несколько ладану на жертвенник, полный горящих углей. За этим Феодорит продолжает: «После этой пагубной раздачи денег некоторые, получив золото, незасорно пировали вместе (с язычниками) на одной пирушке; один из них, взяв в руки кубок, выпил его не раньше, как оградив его крестным знамением, и когда один из солирующих начал попрекать ему (за это) и говорить, что это совершенно противно тому, что он сделал сам немного раньше пред этим, этот спрашивает, что такое было в поступке его, как тот утверждает, противоречащего? А тот припоминает ему об алтаре, о ладане и об отвержении Христовой веры и говорит, что этот поступок его совершенно противен христианскому исповеданию. Услышав это, многие из солирующих начали слезно рыдать, рвать на себе волосы и, вышедши с пиршества, бегать по площади, исповедуя громким голосом, что они – христиане, что они хитростью императора вовлечены в обман, выражали свою ненависть (к язычникам) тем, что они хотят искупить по опрометчивости полученное поражение по возобновлении битвы»¹¹⁴.

В древности знаменовали крестом преимущественно чело: «С места казни, – говорит блаж. Августин. – крест перешел на чело императоров»¹¹⁵. Евсевий говорит о Константине Великом: «Он означил чело этим знаком спасительных страстей и особенно возносился этим победным трофеем»¹¹⁶.

Посредством крестного знамения, между прочим, оглашенные выражали в древности свое исповедание христианской веры. Это видно из следующих слов блаж. Августина: «Если мы спрашиваем оглашенного: веруешь ли во Христа? – он отвечает: верую – и знаменует себя крестом Христовым: он носит его на челе и не стыдится за крест своего Господа»¹¹⁷. Услышав какой-нибудь вредный, нечестивый совет, христиане ограждали иногда самый слух крестным знамением. Св. Ефрем

Сирин обращается с такими словами к злему советнику: «Я презираю твой непристойный совет из благоговения к моему отцу и ради спасения моей души и слух мой знаменую знамением дражайшего креста, чтобы не проник более яд твоих слов в мой слух»¹¹⁸. При поносных словах других также знаменовались в древности крестом. Св. Златоуст говорит: «Поношением кто преследует тебя, ты тотчас огради грудь свою знамением креста; вспомни все, что тогда (при страдании Христовом) было сделано, – и тотчас все исчезнет!»¹¹⁹. В испуге тоже знаменовали себя крестом: «Если кто сильно испугается от какой-нибудь причины, – говорит блаж. Августин, – то он знаменуется крестом»¹²⁰.

Против демонских привидений знаменовали крестом и себя, и соприкосновенные с собою предметы. Преп. Антоний, по свидетельству св. Афанасия, советовал обыкновенно своим монахам, чтобы они шли навстречу диаволу, вооружившись крестом. «Демоны, скитающиеся ночью, – говорит он, – имеют обыкновение представлять из себя ангелов Божиих, хвалить усердие (в добродетели), удивляться постоянству, обещать будущие награды. Когда увидите их, ограждайте как себя, так и дома свои знамением креста, – и тотчас они исчезнут: потому что они боятся этого трофея, на котором Спаситель, истребляя воздушные власти, извлек их на позорище»¹²¹. К крестному знамени обращались и в том случае, когда страсти или худые помышления смущали душу; св. Златоуст убеждает, в том случае, когда гнев или другая какая-нибудь страсть воспламеняется в сердце, обращаться к силе крестного знамени: «Если ты чувствуешь, – говорит он, – что сердце твое воспламеняется, знаменуй постоянно грудь знамением креста – и гнев тотчас рассеется, как пыль»¹²². Тот же отец сильно обличал современников, которые, не надеясь на чудесную силу крестного знамени, в болезнях и других несчастиях вместо него употребляли амулеты или различные сберегательные знаки – плод волшебства, особенно же монеты с изображением Александра Македонского.

Против употреблявших эти монеты он говорит: «Что сказал бы кто-нибудь о тех, которые употребляют (в качестве волшебства) стихи и повязки или привязывают золотые монеты Александра Македонского к голове или к ногам? Скажи мне, это ли наши ожидают, что после Креста и смерти Господней мы полагаем надежду спасения в образе языческого царя?»¹²³

Наконец, IV. Крестным знамением совершалось бесчисленное множество чудес: силою его сокрушаемы были идолы¹²⁴, прогонялись демоны, даже иногда теми людьми, которые не веровали во Христа¹²⁵;

крестное знамение исцеляло болезни и избавляло от других постигших зол¹²⁶; сила крестного знамения прогоняла или убивала змей и драконов, отнимала силу у яда¹²⁷, возвращала зрение слепым, язык немым: так, Феодор. архимандрит Сихейский, исцелил немую девочку знаменiem креста; имевшим иссохшие или парализованные члены это знамение вдыхало жизнь в члены, даже воскрешало мертвых¹²⁸; крестным знаменiem были укрощаемы свирепые звери¹²⁹, потушаемо пламя¹³⁰; силою крестного знамения были переносимы непомерные тяжести с одного места на другое, утверждались здания, грозившие разрушением, отворялись заключенные двери; крестное знамение полагалось даже иногда на животных для предохранения их от болезней и падежа¹³¹. Крестным знаменiem освящались все вещи, на которых оно было полагается; благословенные хлеб и елей производили чудеса¹³². Нужно ли после этого еще говорить что-нибудь в доказательство того, что крестное знамение употреблялось в древнейшие времена христианства (как и ныне употребляется) с таким уважением, которое прилично Животворящему Кресту Христову, что оно именно есть точное подобие Креста Господня? Мы видели, что его употребляли сами апостолы, заповедав и верующим пользоваться им, как точным знаменiem истинного креста Христова; далее указали несколько примеров употребления крестного знамения при совершении некоторых таинств. Здесь оно служило печатью и силою таинства, и без него таинство не могло совершиться. Почему же приписывалась такая важность крестному знамению, если оно не было точным подобием и совершенным изображением Креста Христова? Видели далее, что и простые верующие прибегали к нему в весьма многих обстоятельствах жизни своей и воздавали ему почтение, какое приличествует истинному Кресту Христову. Наконец, перечислили и множество чудес, бывших от крестного знамения.

Это последнее обстоятельство опять непререкаемо свидетельствует, что крестное знамение творит чудеса в качестве совершенного подобия Животворящего, чудотворного Креста Господа Иисуса.

И наши мнимые старообрядцы смеют после этого называть четвероконечный крест и четвероконечное знамение креста (что одно и то же), эту печать всех таинств Церкви Христовой – печатью антихриста и мерзости запустения! Несчастные, они не понимают, они не знают, что говорят: враг креста ослепил очи их ума. Пусть же послушают они свидетельства свв. отцов о том, что крест не есть и никогда не будет печатью антихриста; напротив, антихрист дает своим последователям свое особенное знамение, а не крест Господень. В Апокалипсисе говорится о

знамени антихриста в 13-й главе. Изъясняя это место, св. Амвросий между прочим говорит: «Как мы имеем знак Христов, т. е. крест, которым мы знаменуемся, так и антихрист будет иметь свой знак, которым будут знаменоваться имеющие в него уверовать. Знамение свое антихрист даст своим последователям для того, чтобы знамению креста Христова противопоставить свое знамение и чтобы чрез это рабское подражание осмеять священное знамение креста, так как он начертает свое знамение на правой руке и на челах своих последователей». «Все отпадут от святого Бога, – говорит св. Ипполит мученик, – и уверуют в этого оболъстителя, воспринявши знамение оного нечистого и врага Божия вместо Животворящего Креста Христова, чтобы совершенно истребить память о Распятом на Кресте и вывезть из употребления знамение креста»¹³³.

Св. Ефрем Сирийский говорит¹³⁴: «Дракон всеми мерами будет стараться начертать свое знамение, вместо знамени креста Спасителя нашего, чтобы никоим образом не произносилось в его время имя Господа и Спасителя нашего, чтобы отнять у людей возможность изображать знамение креста; потому-то он даст свое знамение на правую руку, которою знаменуются христиане: с того времени, как получит кто-либо на правой руке знамение антихриста, он будет не в состоянии более изображать знамение Христово или знаменовать крестом какой-нибудь член». По свидетельству Ипполита¹³⁵: «Ему будут поклоняться те, которым он даст знамение на правой руке и на челе, дабы не изобразил кто-нибудь правую руку своею этого дражайшего креста. С того времени никому нельзя будет знаменовать членов своих, но каждый пристанет к совратителю и послужит ему, и не раскается, но погибнет он, сколько то касается Бога и людей». Чтобы различить своих последователей, имеющих знамение антихриста, от христиан, св. Амвросий говорит: «Свой знак положил Бог на челах каждого. В свое время и антихрист также положит свои знаки, чтобы распознать своих клеветников. Во время антихриста никому нельзя будет ничего ни купить, ни продать без знака антихриста, как говорится в Апокалипсисе»¹³⁶. Св. Ефрем Сирийский говорит: «Этот тиран принудит всех силою принять печать зверя, когда придет, имея намерение увлечь весь мир своими знаменами и мнимыми чудесами в свое время, т. е. в скончание веков, и уже таким-то образом, приняв, наконец, прежде его знак, будут иметь возможность приобретать себе пищу и что бы то ни было. Он поставит на это злодейство начальников, которые будут наблюдать за исполнением его повелений. Примечайте, братие, гордость зверя и ухищрения неправды: он начнет от чрева, так что когда кто будет томим голодом, тогда принужден будет принять его знамение». Св.

Андрей Кесарийский, объясняя слова Апокалипсиса (Откр.7:2): «Видех иного ангела, восходяща от востока солнца, имущаго знамение живаго Бога», – говорит: «Сии (верные) небоязненно и без всякого стыда будут носить в виду нечестивых знамение креста, и посему-то оный ангел тотчас прибавляет: не вредите ни землю, ни море, дон-деже запечатлеем рабы Бога нашего на челех их»¹³⁷.

Пусть же после этого мнимые старообрядцы скажут нам: что есть печать антихриста – крест четвероконечный, или знамение четвероконечного креста, или что-нибудь другое? Призываем в судьи настоящего дела их добрую совесть и здравый смысл, если они совершенно не испорчены в них упорною склонностью сопротивляться Святой Церкви, ревнующей матерински о их вечном спасении и призывающей их к единению с собою! Не яснее ли самого дня светится истина на стороне православных, не видят ли ясно сами они, что они во тьме и тьма ослепила очи их, так что они видяще не видят ясной истины?

По братской, христианской любви просим мнимых ревнителей старины добросовестно разобрать все наши также добросовестные, с Богом, при дневном свете, открыто, а не тайно, не с лукавством или хитростью сделанные показания о форме креста вещественного, употреблявшегося преимущественно в известном виде во все времена, и о крестном знамении, и дать ответ: основательны они или нет, убедительны ли столько, чтобы сознаться в их силе и поверить им. Конечно, они не могут сказать, чтобы эти показания были неосновательны или неубедительны: мы вывели, так сказать, на очную ставку памятники креста и изображений его от семнадцати христианских веков, начиная с первого, и кто читал все это описание крестов, тот видел, какая форма креста была во все времена самую общеупотребительною, именно видел, что такую формою была четвероконечная форма. А что убедительнее может быть самих вещей, когда спор решают самые вещи, о которых спорят? Видели потом и употребление в древнейшие времена христианской Церкви крестного знамения и замечали не раз, что оно называлось даже просто крестом или крестом Господним, а это знамение – четвероконечное.

Мы, с своей стороны, правы и чисты, следуя очевидной истине. Просим теперь мнимых неразумных ревнителей старины обратить внимание на свои основания, по которым они почитают за истинный крест только крест восьмиконечный. Хуля четвероконечный крест, они сами, рассудивши хорошенько о деле, найдут, что их основания слабы, потому что они или совершенно ложны, или натянуты.

Мы возложим на себя труд в заключение своего сочинения разобрать и их основания, по которым они чтят только восьмиконечный крест и презирают четвероконечный, чтобы не оставалось более никакого предлога к противоречию и упорству и чтобы, отняв подпоры, на которые они опираются, окончательно ниспровергнуть их заблуждения. Основания эти двух родов: одни такие, которые вовсе не могут служить основанием для их учения, будто бы истинный крест есть только восьмиконечный трехсоставный – из певга, кедра и кипариса; другие действительно могут служить некоторым основанием, но если ближе вникнуть в эти основания, то и они не будут иметь достаточного значения.

1. Сказание пророка Исаяи в 60-й главе о трех деревьях ливанских: кедре, певге и кипарисе. Мнимые старообрядцы относят эти слова св. Исаяи ко кресту и думают, что пророк предсказал в них о трех деревьях, т. е. о трех составах крестных. Но кто им дал право понимать слова пророка так, как не понимали их свв. отцы? Это произвольная натяжка. Вот подлинный смысл этих слов по блаж. Феодориту. Изъясняясь, по обычаю, кратко, он говорит: «В кипарисе и певге и кедре вероподобно есть, что сие и в первом храме было, и оные, т. е. иудеи, паки из Ливана дерева сносили»¹³⁸. Это изъяснение, по которому деревья: кедр, певга и кипарис – прилагаются к храму иудейскому, а не ко кресту, скажем вместе с преосв. Никифором, точно, сообразно с самым делом, потому что заимствовано из самого Святого Писания. Еще на смысл этих слов не о деревьях крестных ясно указал Кирилл Александрийский¹³⁹.

2. Повесть о чудесном дереве, выросшем и совмещавшем в себе будто бы три различных дерева: певговое, кедровое и кипарисное. Это дерево, чудесно сохранившись в продолжение множества веков, наконец будто бы было употреблено на Крест Спасителя. Об этой повести можно читать подробно у св. Димитрия Ростовского в его «Розыске». Но не заставляя Господа Бога творить чудеса всегда, когда только нам вздумается, приведем себе на память слова бытописателя: «И рече Бог: да прорастит земля... дерево плодовитое, творящее плод, ему же семя его в нем по роду на земли» (Быт.1:11). Разве слова эти были сказаны напрасно? Без всякого сомнения, нет: слово Господне не возвращается к Нему тоще, и Моисей прибавляет вслед за этим: «Бысть тако», т. е. земля в то же время стала произращать всякую траву и всякое дерево не иначе, как по роду и подобию, т. е. семя травы и дерева известного рода изводило траву же или дерево, но только ту траву или то дерево, которое заключалось в природе семени. Да и что это за дерево, которое совмещает в себе три дерева – певговое, кедровое и кипарисовое? Это – химера, как химерою было бы и

то, если бы сказал кто-нибудь, что существует животное, принадлежащее, по составным своим частям, к трем различным видам животных, например, льву, дракону и козе. Укажут на Божие всемогущество? Но оно не творит чудес без нужды, оно не нарушает действия своих законов, когда нет к тому особенных побуждений со стороны Его премудрости, благодати и любви. А что за нужда была произрастать по особенным законам такое чудесное дерево?

А заставлять Бога хранить его на земле несколько тысяч лет для того, чтобы потом люди пригвоздили на нем Единородного Сына Его, – не чудеснее ли это самого произрастания? Опять нет ни малейшего сомнения в том, что всемогущество Божие, все сотворившее и все содержащее сильным словом своим, весьма легко может сделать это: но нужно ли это, достойно ли это Господа Бога? И почему же Библия молчит о таком чудесном богопроизрастании и богохранении дерева? Почему не читали мы пророчеств о нем? Не слышим похвал такому дереву от мужей ветхозаветных, могших проникать в тайну уничижения и страданий будущего Мессии? Нет, пусть эта благочестивая повесть, не записанная нигде в книгах священных, и останется только устной повестью, не переходя на степень исторической, достоверной истины. В христианстве, конечно, было и может быть впредь много великих чудес, но принимать без разбора все ходячие предания о них, не засвидетельствованные богопросвещенными мужами, нельзя.

К основаниям второго рода относятся прямые слова некоторых церковных песнописцев, что Крест Христов будто бы действительно был сделан из кедра, пегива и кипариса. Вот, например, эти слова из двух седальнов в среду и пятницу на утрени¹⁴⁰: «На кипарисе и пегиве и кедре вознесся еси Агнче Божий, да спасеши поклоняющиеся вольному Твоему распятию». «Церковь вопиет ти Христе Боже на кедре и пегиве и кипарисе поклоняющиеся Тебе»¹⁴¹. Как же примирить эти слова церковных песнописцев с тем, что в самых вещах передает нам вся церковная христианская древность, о чем такое множество свидетельств древнейших и уважаемых отцов и писателей церковных? Преосв. Никифор, приписывая означенные два седальна, на которые ссылаются мнимые старообрядцы, Иосифу, архиепископу Фессалоникийскому (умер в IX веке в ссылке), говорит: «Вероятно есть, как нам кажется, что кто-нибудь из писателей позднейшего века, а может быть, и сам вышеупомянутый Иосиф, архиепископ Фессалоникийский, первый думал, что пророк Исайя, о кресте пророчествуя, означенный текст сказал и потому одного текста слова ко кресту применить хотел; по нем и другие, кому было угодно, то

же повторили». Кроме Иосифа, архиепископа Фессалоникийского, преосвященный Никифор вслед за указанием наших называющихся старообрядцев называет еще Германа, патриарха Константинопольского, по прозванию Младшего (сконч. в 1254 году), и Григория монаха Синаита (еще позднейшего времени) и говорит, что «сии позднейших веков люди суть первые, кои своими сочинениями сей смысл (слов пророка Исайи о трех древах) объяснили», потому что, говорит он, ни у древнейших отцов, ни у древнейших церковных историков ничего подобного словам этих трех мужей он не нашел. Значит, мнение о трех древах креста внесено в церковные песни в позднейшее, не так отдаленное от нас время, и именно от неправильного толкования слов пророка Исайи¹⁴².

Далее, такое мнение самих церковных песнописцев о трех древах производят еще от особенного почитания Креста Христова. Ибо когда христиане, по благочестивейшем царе Константине, начали иметь в великом достодолжном уважении образ Креста, «потщались и то чести его приложить, чтобы он не из худого вещества, но из самого лучшего составлен был, именно – если не из серебра и золота и прочих драгих веществ, то по крайней мере от древ честнейших, а поелику из древ честнейших суть кедр, певг и кипарис, яко благовонии и не гниущия, из тех наипаче творяху кресты и наполнили теми крестами церкви, дома и прочия знаменитыя места. Другие потом видяще в церквах и на себе сделанные от сих древ и творимые образы крестов, возмнили простотою своею, без всякаго испытания, что и самый Крест, на нем же Господь наш пострадал, из сих трех древ составлен был. А песнописцы церковные, видяще таковое народное мнение о древах Креста Господня, и не испытующе о том, потщасяся како бы тропари свои украсить, написаша, яко на кедре и певге и кипарисе Господь наш распят бысть. Сие есть начало мнения о древах крестных и от него вина песнописцам церковным: поелику иного основания сему не возможно сыскать в Божественном Писании и в древних отцех и в истории церковной»¹⁴³.

Нет нужды говорить еще о других основаниях мнимых старообрядцев. Они, например, говорят еще, что ни один из свв. отцов даже не вспомнил о двучастном кресте Христовом; но это вздорная болтовня – не больше, на которую не стоит отвечать.

Вот все основания, на которых мнимые ревнителю веры признают за истинный и чтут только восьмиконечный крест и никакого другого. Мы кратко опровергли их, пользуясь основаниями, приводимыми известными уже им ревнителями Православия, и думаем, что больше нам ничего не остается говорить в защиту креста четвероконечного. Напомним им только

еще и еще, что и восьмиконечный крест мы чтим как крест истинный и никогда не спорим о концах, потому что почитаем его ради Господа, а не ради числа концов. Крестом Господним мы всегда будем хвалиться и благоукрашаться, на него надеяться, к нему прибегать для освящения, охранения и защиты. Того же желаем и заблуждающимся собратам нашим – почитать Животворящий, Спасительный и Освящающий Крест Господень, потому что вне Церкви нет никакой святости. Непобедимая, непостижимая, Божественная сила Честного и Животворящего Креста, не остави нас грешных!

Слава Богу!

Примечания

- ¹ - Clim. Alex. Strom.
- ² - Что древняя еврейская буква тав имела сходство с лат. и греч. т, свидетельствует блаж. Иероним (in с. 9 Ezechiel.): «Между древними еврейскими буквами, которыми до сих пор пользуются самаритяне, последняя, тав. имеет подобие креста, начертываемого на челах христиан и обозначаемого частым движением руки».
- ³ - Клим. Алекс, «Стром.», кн. 6. ст. 4.
- ⁴ - Клим. Алекс, «Стром.», кн. 6. ст. 4.
- ⁵ - Быт. 48. – Дам. кн. 4, гл. 12.
- ⁶ - Исх. 12. – Iustin dialog. cum Triph.
- ⁷ - Исх. 14. – Дам. кн. 4, гл. 12.
- ⁸ - На Воздвижение Креста, глас 8, песнь 1.
- ⁹ - Исх. 17. – Дам. кн. 4, гл. 12.
- ¹⁰ - Графическое расположение израильских полков вокруг скинии можно изобразить таким образом.
- ¹¹ - S. Aug. Tract. 28 in Johan.
- ¹² - Severianus de dedicatione Ecclesiae Salvatoris, seu crucis, ut legit, Billius Annot. 1 in lib. 1 Damasc. de imag. lib. 1.
- ¹³ - Aug. de temp. Serm. 107.
- ¹⁴ - Aug. lib. 12 contra Faustum, C. 34 et hom. 18 lib. 50.
- ¹⁵ - Hom. et serm. 201 de temp.
- ¹⁶ - Crudelissimum et teterrimum supplicium. Cic. Verr. v. 64.
- ¹⁷ - Втор.21:22–23. V. Barmittii dissertatio de cruce, num Hebraeorum fuerit. 1894.
- ¹⁸ - Liv. lib. 32 cap. 26.
- ¹⁹ - Tertull. de coron. mil.
- ²⁰ - Plut. de tar. Dei – vind. tom 11. Opp. p. 544. Artemid. 2, 61.
- ²¹ - Ioseph. bell. Jud. 7, 10. Cic. Verr. V.
- ²² - Insilire, tolli, agi, levare in crucem.
- ²³ - Aug. Civ. Dei, 16. 2. Amtr. lib. 10 in Luc.
- ²⁴ - Senec. de tranga. C. 1. Meryl, not. in pass. Dom. num. 31 in Ioh.
- ²⁵ - Plaut. Mil. glov. 11, 4. 19.
- ²⁶ - Флавий говорит, что римский полководец Тит по усиленной

просьбе позволил снять со креста трех знакомых людей, еще живых, из коих двое потом умерли от ран, а третий исцелился. *Contr. App.* p. 1031.

²⁷ - *Cic. ad Quint. C. de cruce.*

²⁸ - *Tert. cont. Marc. 1. III, c. XI.*

²⁹ - *Ibid. C. XXII.*

³⁰ - *Dictionar. August. Calmet, snb voce Crux.*

³¹ - Об этом виде креста есть много свидетельств свв. отцов и учителей Церкви, напр.. Терт., Маркиона, Иерон. в изъяснении 9 гл. Иезек.

³² - См. в нашей Чет. Мин. в житии ап. Андрея.

³³ - О кресте четвероконечном свидетельствует Иустин в своей второй Апологии и др. *Dialog. cum Triph.*

³⁴ - *Lib. ult. de pag. Cod. Theod., p. 18 и 19.*

³⁵ - *Prudent, hymn. VI de passionibus Apostolorum.*

³⁶ - *Suet. in Domit. cap. V.*

³⁷ - *Suet. in Domit. X, in Calig. XXXVIII.*

³⁸ - Что «титла» слово латинское, свидетельствует греческий поэт Нонн: надпись, что на латинском языке называется титлою (*in cap. XIX*).

³⁹ - *Lib. 11 cap. 1.*

⁴⁰ - *Lips, de cruce cap. XVI pag. 164.*

⁴¹ - *Corn. Curt. Hist. tit. S. cruc. c. V. pp. 46 и 47.*

⁴² - *Gnetz. de cruce lib. I cap. XXVIII.*

⁴³ - *Corn. Curt, de Clav. Domin. C. V. p. 44, 50, 58.*

⁴⁴ - *Ioh. Chrys. de cruce. Damasc. de imag. or. 3.*

⁴⁵ - *Bart. Nib. de cruce pag. 115.*

⁴⁶ - *Dialog cum Triph. cap. XIX Iren. adv. haereses, I. II, cap. XLII.*

⁴⁷ - *Lib. VIII, cap. VIII.*

⁴⁸ - Сенека о подвергавшихся крестной казни говорит: другие повисли на землю вниз головою. *Consolat. ad Mart c. XX.*

⁴⁹ - *Orat. in Petr. et Paul.*

⁵⁰ - Об обретении Святого Креста говорят: Кирилл Иерусалимский, Амвросий, Павлин, Руфин, кн. 10, гл. 8, Сократ, кн. 1, гл. 13, Созомен, кн. 2, гл. 1, Феодорит, кн. 1, гл. 18 и другие, между тем о подножии у них не говорится ни слова.

⁵¹ - Крест с таким подножием и Распятием можно видеть на греческих монетах XII века.

52 - На кресте Авраамия Ростовского (XII век) подножие представлено прямое.

53 - См. Роз. ч. II, гл. 24.

54 - Крит. оч. ист. русск. раск. пер. 1853. Гл. 11, стр. 17, 18.

55 - Там же. Гл. 23, стр. 39.

56 - Sulpicii Sever. Hist. sacra, C. II. c. LXVII.

57 - Greg. Nyss. E. III. Serm. in Bapt. Christi.

58 - Corn. Curt. c. v. p. 39 и 40.

59 - Первое издание указ. сочин. вышло в 1-й пол. XVII века.

60 - Rom. Subter. t. 1, I. III. cap. XXI.

61 - Roma Subterr., t. 1. lib. III. cap. XXII. pag. 307.

62 - Tom. II lib. IV. c. XLII. pp. 167–169.

63 - Tom. I lib. I. cap. XXVIII. pag. 94 и 95.

64 - Rom. Subt. t. I. 1. III. cap. XXII. pp. 301 и 303.

65 - Chrys. Com. quod Christus sit Deus, apud Gretz. cit. lib. II. cap. VI. p.

189.

66 - Lib. II cap. 1.

67 - Sozom. Hist. Eccl. lib. II. c. I. Gretz. lib. I. cap. 17.

68 - Gretz. des. cr. lib. II. cap. XXV. pp. 256 и 257.

69 - Cedren. Comp. hist. ubi de Theodosio magno imp.

70 - Gel. 1. 1. de Aet. Syn. Nycaen. c. 6. Euseb. III. de vita Const. c. 33.

71 - Codin. de Origine Constantinopol.

72 - Rar. t. 6. fol. 218; ibid. fol. 302; Ibid. fol. 255; Ibid. fol. 112. tom. 7.

fol. 131, 126. Lips. de Cr. 1. 3. cap. 16.

73 - Созомен.

74 - Gretz. des. cr. lib. II. cap. LIV. LI.

75 - Sozom. lib. 1. cap. 8. Euseb. lib. 4. Vitae cap. 21.

76 - Lips. 1. 3 de cruce c. 16.

77 - Hier. ep. ad Laet.

78 - Gretz. Lib. Sec. c. XXXVII, p. 245.

79 - Niceph. lib. 4. cap. 3.

80 - Gretz. 1. 11. pag. 270.

81 - Authen. 90, de testibus.

82 - Ц. Ист. Фил., ч. III, стр. 9 и 10.

83 - Ист. Филар., ч. 1, стр. 32.

- 84 - См.: Материалы для истории писмен восточных, греческих, римских и славянских. Москва, 1855.
- 85 - Cypr. sermo de pass. Christi.
- 86 - Chr. in 1 Timoth. hom. 12.
- 87 - Niceph. lib. 2. c. 42.
- 88 - Basil. lib. de Spir. S. cap. 27.
- 89 - Aug. libr. 4 de bapt. contra Donat. c. 24.
- 90 - Cypr. de pass. Christi.
- 91 - Cypr. de baptismo Christi.
- 92 - Chrys. hom. 55 in Matth.
- 93 - Apud Aug. Sermo 181 de tempore.
- 94 - Chrys. hom. de vener. Crucis.
- 95 - Dionys. de Eccles. hierarchia.
- 96 - Greg. lit. de Sacrament.
- 97 - Sever. lib. de vitibus Baptismi torn. 6 Biblioth. PP.
- 98 - Dion de Eccl. hierarch.
- 99 - Greg. lib. Sacram. de feria VI magnae hebdom.
- 100 - Sever, lib. baptismi, torn. 6 Biblioth. PP.
- 101 - Nyssen. oratio in eos, qui differunt baptismum.
- 102 - Aug. 20 de civitate Dei cap. 30.
- 103 - Greg. lib. 3. ep. 9.
- 104 - Cypr. Epist. ad Subajanum.
- 105 - Greg. lib. Sacrament., feria VI magnae hebdomadis.
- 106 - Chrys. hom. 55 in. Matth.
- 107 - Greg, in theor. ver. Eccles.
- 108 - Chrys. hom. 55 in Matth. idem in cap. 3 ad Phil.
- 109 - Aug. sermo 19 de Sanctis.
- 110 - Hier. in vita s. Pauli.
- 111 - Marc, in vita s. Porphyrii.
- 112 - De Eccl.
- 113 - Hier. ad Pamach.
- 114 - Theod. lib. 3. hist. c. 16 Naz. oratio contra Julian.
- 115 - Aug. in psal. 36.
- 116 - Euseb. lib. 3. de vit. Const, c. 2.

- 117 - Aug. tract. 11 in Johan.
 118 - Ephraem de virtut. c. 7.
 119 - Chrys. hom. 88 in Matth.
 120 - Aug. lib. 50. hom. 21.
 121 - Athanas. in vita Ant.
 122 - Homil. 88 in Matth.
 123 - Horn. 21 ad Ant.
 124 - Greg. Tur. lib. de glor. Confess, c. 77.
 125 - Greg. lib. 3. Dial. c. 7; Cypr. sermo de puss. Christi.
 126 - Theod. in. hist. ss. Patrum; Thed. in Petro.
 127 - Greg. lib. 3, Dial. c. 5, lib. 2. Dial. c. 3. Paul. Diac. lib. 1. hist. Longor. c. 26.
 128 - Fortun. in vita S. Germani c. 34.
 129 - Euseb. lib. 8. hist. Eccl. c. 7.
 130 - Sulp. Sever, epist. 1. ad Euseb. Presb. Y. Greg, turon. lib. de Glor. confess, c. 56 et lib. de vita ss. PP. c. 2.
 131 - Theodorit. in hist, religiosa.
 132 - Naz. de funere Patris. Theodorit. in religiosa hist.
 133 - Hipp. orat. de consummatione mundi et antichristo.
 134 - S. Ephraem de antichr.
 135 - Hippol. orat. do consumm. mundi.
 136 - Ambros. de interpellat. David, c. 8.
 137 - Andr. Caes. cap. 38 comment, in Арос.
 138 - См. отв. преосв. Ник. Феоток. ст. 97.
 139 - Обличение непр. Раек. гл. 2 расск. 2 л. 43 и 44.
 140 - Окт. гл. 8, в пят. на утр. сед. 2.
 141 - Окт. гл. 7, в среду на утр. сед.
 142 - Отв. преосв. Никиф. стр. 102 и 104.
 143 - Слова Феофилакта Лопатинского. Облич. Непр. Раек.

Содержание

О Кресте Христовом праведный Иоанн Кронштадтский	1
О КРЕСТЕ ХРИСТОВОМ	2
О форме святого креста	4
Состав и разделение сочинения	5
О прообраованиях святого креста в Ветхом Завете	7
А. О кресте вещественном	11
Б. О крестах, сохранившихся от первых трех веков христианства	29
I. О кресте, приписываемом св. Никодиму	30
II. О крестах, найденных в римских катакомбах	32
В. О крестах, какие были в IV веке	35
I. О крестном знамени, явившемся на небе равноапостольному Константину	36
II. Об обретении Честного Креста святою Еленою	38
III. О крестах, сделанных по повелению святого Константина и водруженных в разных местах, также о чеканных изображениях креста на монетах Константина и следующих за ним государей IV века, об условном знаке мирных епископских грамот IV века и о крещатых одеждах святых Григория Богослова и Епифания Кипрского	40
Г. О крестах и разнообразных изображениях креста в V, VI, VII, VIII, IX и X веках	46
Об изображении креста на монетах императора Льва Великого (вступил на престол 7 февраля 457 года) и в письменных деловых документах при том же императоре	47
Об изображениях креста на монетах императоров Юстина Фракиянина и Юстиниана	48
О четвероконечном кресте на державе в руках литой статуи Юстиниана, поставленной на колонне	49
Об изображениях креста на монетах императора Тиверия	50
Об изображениях креста на монетах императора Льва Исаврянина (коронован 25 марта 717 года, †741 год)	52
Об изображениях креста на монетах императоров Никифора Августа, Михаила Рангаби, Михаила Бальбы и Василия Македонянина	53

Об изображениях креста на монетах императора Иоанна Цимисхия	54
Д. О крестах и изображениях креста от XI до XVIII века включительно, сохранившихся в памятниках русской старины	56
О древнерусских памятниках креста и изображений его, заимствованных из новоизданных книг	57
I. О памятниках креста и изображениях его, заимствованных из киевской старины	58
II. О древних памятниках креста и изображении его, заимствованных из московских древностей	61
III. О древнейших изображениях креста, заимствованных из «Собрания государственных грамот и договоров»	64
IV. О древнейших памятниках креста, взятых из книги под заглавием «Чтения в Императорском Московском обществе Истории и Древностей Российских»	67
V. О древнейшем памятнике креста, упоминаемом в февральской книжке «Христианского чтения» за 1854 год	69
Е. О памятниках креста и изображений его, заимствованных из древнейших старописных и древних старопечатных до Никона патриарха книг	70
Об изображениях креста в древнейших старописных книгах	71
II. Об изображениях креста в старопечатных книгах	74
III. О невольных и как бы бессознательных указаниях самих раскольников на четвероконечный крест как крест истинный	77
Ж. О крестном знамени как постоянном памятнике истинной формы Святого Креста	84
Примечания	99